

# ВОКРУГ СВЕТА

1927 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 12

**6 р.** в год за ежем.  
журнал „Всемирный Следопыт“ с прилож.  
12 №№ „Вокруг Света“, 12 вып. „Библиотеки“ и 12 геогр. карт на обл. журнала. В отд. продаже № „Вс. След.“ — 60 к., № „Вокр. Света“ — 10 к., вып. „Б-ки Вс. Сл.“ — 25 к.

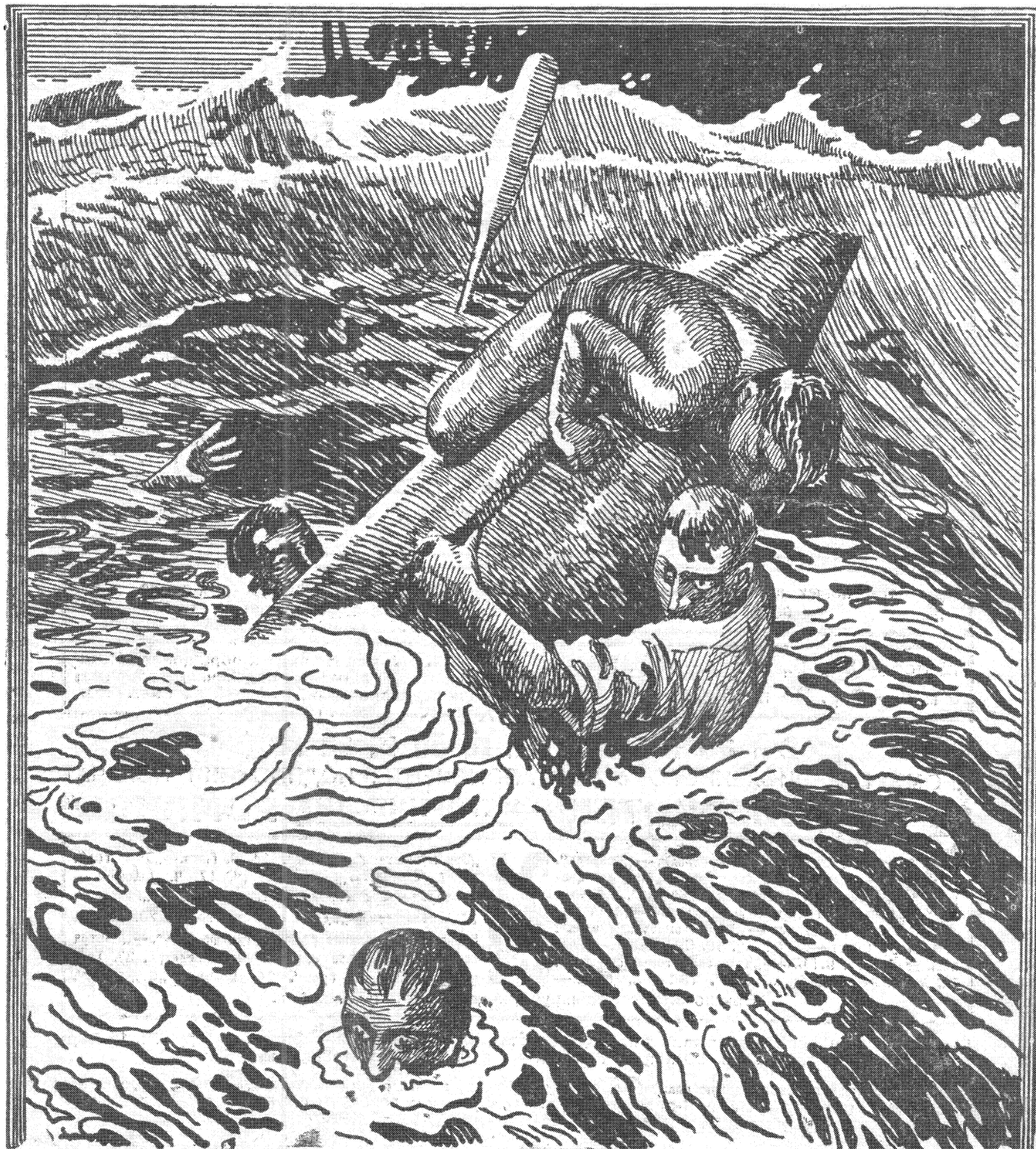
Редакция и контора „Всем. Следопыта“ и „Вокруг Света“: Москва, Псковский пер., 7/9.

Подписка на журнал „Всемирный Следопыт“ (только со всеми приложениями) принимается: в конторе журнала, в экспедиции (Москва, Варварка, Псковский пер., д. № 7) и во всех почтовых отделениях.

Объявления в „Вокруг Света“ принимаются в конторе журнала (Москва, Варварка, Псковский пер., д. 7, тел. 3-82-20) по 1 р. 50 к. за строку непарелли позади текста. При многократном печатании — скидка по соглашению.

**3 р.** 25 к. в пол-года с перес. и доот. за 6 №№ журн. „Всем. Следоп.“ со всеми прилож. — Отдельно на журнал или прилож. подписка не приним. За границу подпис. плата выше на 50 проц. За перем. адресу — 20 к.

**СОДЕРЖАНИЕ:** 20 тысяч миль под парусами. Очерк М. Зуева-Ордынца (о походе „Товарища“). — Гусиный дядя. Охотничий рассказ-быль В. Ветова. — Приключения дикого кабана. Рассказ О. Альшера. — Два изобретателя. Юмористический рассказ Н. Окстона. — Робинзоны о-ва Тристан да Куния. Очерк Б. Рустам-Бека. — Карты первобытных народов. Очерк проф. В. Адлера. — Арифметика Хэтчинсона. Рассказ В. Белоусова. — Всемирный калейдоскоп.



...Челнок снова появился на поверхности. Волны беспрестанно бросали и перекатывали его с боку на бок, вырывая из рук тонущих людей...

# „БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ“

**24** — РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ **24** —  
(СВЫШЕ 3.000 СТРАНИЦ)  
**даст приложением в 1928 г.**

Художественно - литературный, богато-иллюстрированный ежемесячник, выходящий по типу лучших западно-европейских журналов.

## 30 ДНЕЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ  
ЕЖЕМЕСЯЧНИК

В красочной обложке, до 2.500 столбцов убоистой печати и 1.000 рисунков и фотографий за год, на роскошной бумаге. Выходит при участии лучших литературно-художественных сил СССР.

IV ГОД  
ИЗДАНИЯ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:  
**1-й абонемент (8 руб. за год)**

АКЦ. ИЗД.  
О-ВО „ЗиФ“

**12** номеров журнала „30 ДНЕЙ“ — художественный, литературно-общественный, научно-популярный ежемесячник. **12**

**12** номеров журнала нот „МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ“, под редакц. народного артиста проф. М. М. Ипполитова-Иванова. За год будет дано до 50 музыкальных пьес для рояля, скрипки, пения; фотопортреты, биографии известных музыкантов и композиторов; уроки-беседы для начинающих музыкантов (печатается в 2 краски). **12**

**12** МНОГОКРАСОЧНЫХ КАРТИН (репродукций) классических произведений русской живописи (форм. 27 × 38 см.), под общей редакцией проф. Игоря Грабаря. **12**

**4** номера многокрасочного журнала „ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА“ (моды, хозяйство, советы, переписка и пр. — около 400 рисунков, мод, вышивок, белья и пр. за год). **4**

**1** книга — известный роман А. Фаддеева „РАЗГРОМ“ (около 300 страниц) (для годовых подписчиков). **1**

**1** том новых юмористических рассказов МИХ. ЗОЩЕНКО (свыше 250 стр., около 60 рассказов) (для годовых и полугодовых подписчиков). **1**

12 мес. — 8 руб., 6 мес. — 4 р. 25 к.,  
3 мес. — 2 р. 25 к., 1 мес. — 75 коп.

При непосредственном обращении в Издательство годовым подписч. рассрочка: при подписке — 3 р., 1 апр. — 3 р., 1 авг. — 2 р.

## 2-й абонемент (12 р. 50 к. за год)

КРОМЕ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО в 1-ом АБОНЕМЕНТЕ, ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ  
**24 КНИГИ „БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ“**

1. Г. Эберс. — „Уарда“. 2. Джiovаниоли. — „Спартан“. 3. Флорбер. — „Саламбо“. 4. Марк Твен. — „Янки при дворе короля Артура“. 5. Костомаров. — „Нудеяр“. 6. Р. Хаггард. — „Дочь Монтезумы“. 7. Шишкович. — „Иван Болотников“. 8. П. Меримэ. — „Варфоломеевская ночь“. 9. Вальтер Скотт. — „Роб-Рой“. 10. Ч. Диккенс. — „Барнеби-Редж“. 11. В. Гюго. — „Человек, который смеется“. 12. Лажечников. — „Ледяной дом“. 13-14. А. Дюма. —

**24**

„Три мушкетера“ (2 вып.). 15. В. Гюго. — „93-й год“. 16. А. Франс. — „Боги жаждут“. 17. Ч. Диккенс. — „История двух городов“. 18. Э. Золя. — „Разгром“. 19. Шпильгаген. — „Один в поле не воин“. 20. Юдифь Готье. — „Завоевание рая“. 21. Юдифь Готье. — „Сестра солнца“. 22. Мультатули. — „Манс Хавеллар“. 23. Тетмайер. — „Горные орлы“. 24. Вазов. — „Под игом“.

Свыше 3.000 страниц убоистого текста в 24 книгах.

Выписывающим непосредственно из Издательства рассрочка: при подписке — 4 руб., и 15 марта — 3 руб. 50 коп., к 15 июня — 3 руб. и к 15 сентября — 2 руб.

Выславшие полностью годовую плату (8 р. по 1-му абонементу или 12 р. 50 к. по 2-му абонементу), непосредственно в адрес Издательства до 1-го января 1928 г., получают в январе ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ БЕСПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ — нашумевший роман Ст. Жеромского — „ПРЕДВЕСЕННЕЕ“ (416 стр.).

Не забудьте прибавить свой гривенник на са-  
молет „ЗиФ“ при пересылке подписной платы!

Не забудьте прибавить свой гривенник на са-  
молет „ЗиФ“ при пересылке подписной платы!

# ВОКРУГ СВЕТА

1927 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 12

## == 20 ТЫСЯЧ МИЛЬ ПОД ПАРУСАМИ ==

Поход парусника «Товарищ» в Южную Америку

Очерк М. Зуева-Ордында

I.

О «Товарище». — 35 лет морских странствований. — «Пенитель моря» в роли угольной баржи. — Снова в море. — Несчастливый поход. — Домой на буксире.

Он стоит сейчас у стенки Ленинградского порта, обвешанный всеми четырьмя ветрами, с бортами, полинявшими, избитыми волнами двух океанов. Его высокие мачты видны издали, а его причудливый силуэт, напоминающий иллюстрации к морским рассказам Марриэта, резко выделяется среди приземистых, дымящихся корыт современных пароходов. Его мачты сейчас голы, но легко вообразить на них белые груды парусов, и тогда в воображении встанет белокрылая морская птица, уходящая сказка морей.

Первое его имя — «Лауристон». В «Товарища» он переименован в 1923 году. Он не молод, ему уже 35 лет, а для корабля это почти старческий возраст. Он спущен был впервые на воду в Ливерпуле в 1892 году. Но это крепкий старик, это корабль здоровяк. Когда смотришь на его высокий, чуть туповатый нос, оканчивающийся громадным бревном бугшприта, на толстые брусья ватервейсов<sup>1)</sup>, на стройные, чуть наклоненные назад мачты, веришь, что эта «коробка» проплавает и еще три десятка лет.

В годы империалистической войны, на Белом море, он,

вместе с другим барком «Катанга», исполнял унижительную роль простой баржи. Разоруженный, со снятыми мачтами, лишенный возможности передвигаться без посторонней помощи, гордый «пенитель моря» уныло тащился на буксире у какого-нибудь вонючего катеришки, нагруженный аммуницией, провизией, или грязным, ненужным ему углем.

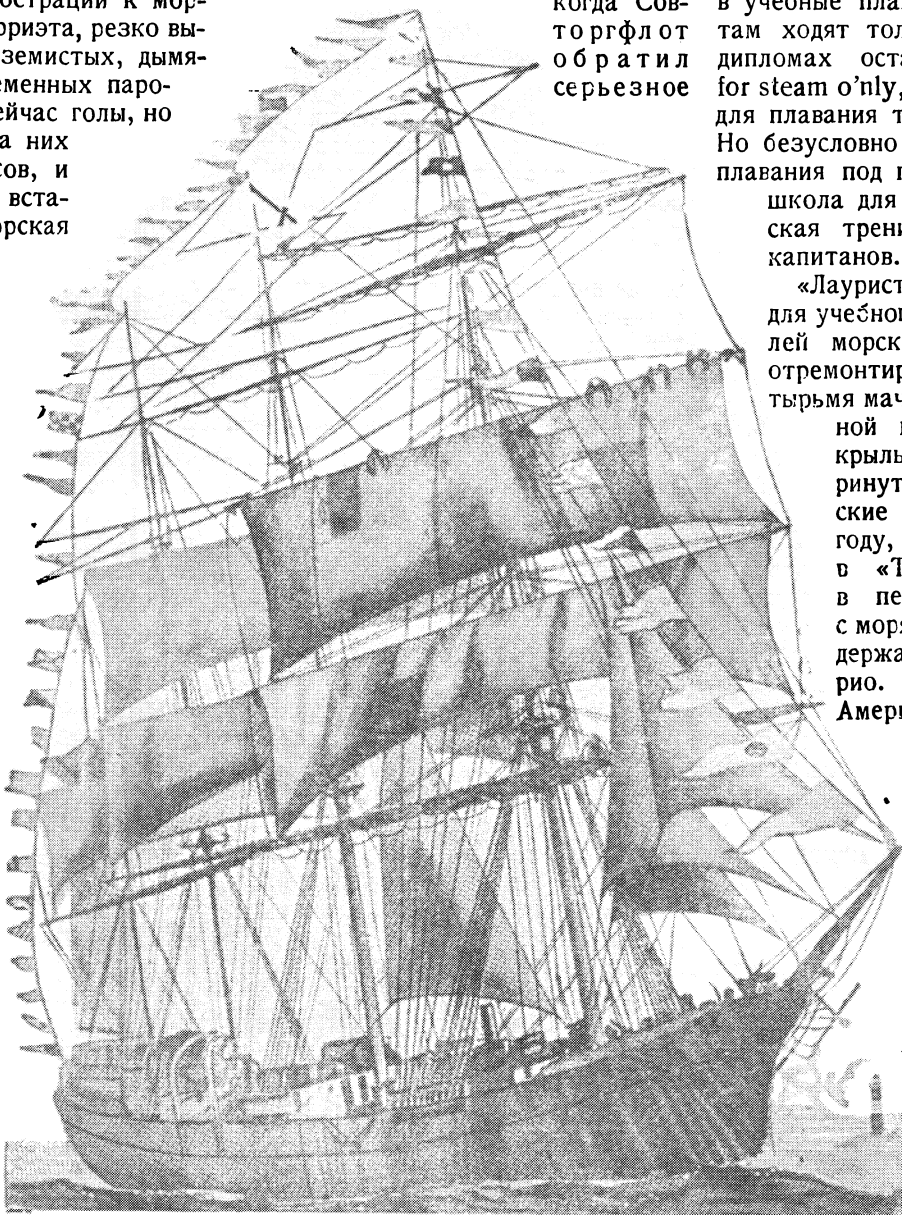
Так продолжалось до 1923 года, когда Советторгфлот обратил серьезное

внимание на подготовку комсостава нашего коммерческого флота. Царское министерство торговли и промышленности издало закон, по которому диплом штурмана или шкипера получал только тот, кто проплавал не менее 6 месяцев на парусных судах. Выдумали такой закон, конечно, «морские спецы», никогда не видавшие моря. В западных странах этот закон уже давно отменен; в учебные плавания на парусниках там ходят только желающие, а на дипломах остальных помечают, — for steam only, что значит, — «годен для плавания только на пароходах». Но безусловно нельзя отрицать, что плавание под парусами — прекрасная школа для моряков, лучшая морская тренировка для будущих капитанов.

«Лауристон» был предоставлен для учебного плавания слушателям морских техникумов. Его отремонтировали, вооружили четырьмя мачтами. У морской вольной птицы снова отросли крылья, он готов был снова ринуться в соленые морские просторы, и в 1925 году, переименованный уже в «Товарищ», он вышел в первое свое плавание с моряками-практикантами, держа курс на порт Розарио. Но, вместо Южной Америки, непрерывные,

злые морские штормы загнали его... к самой северной оконечности нашего материка, к мысу Нордкап. Добравшись кое-как до шведского порта Варде, «Товарищ» вызвал по радио на помощь наш ледокол «Седов» и, буксируемый им, пришел в Мурманск.

Залечив раны, нанесенные бурями, «Товарищ» начал готовиться к новому походу.



— О попутным ветром! — Парусник «Товарищ» покидает берега Европы...

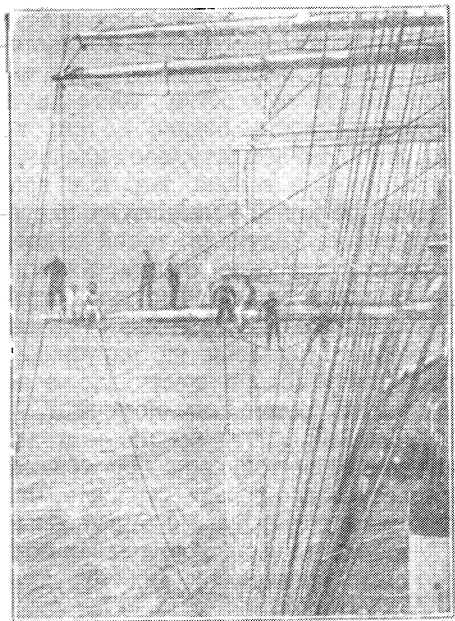
<sup>1)</sup> Служат каналом для стока воды с палубы.



## II.

В Южную Америку!.. — Снежные штормы. — Наперекор стихии. — В доках Саутгэмптона. — «Левиафан» и «Товарищ». — Ремонт.

29 июня 1926 года «Товарищ» вышел из Мурманска во второе свое героическое плавание, к берегам Южной Америки. На борту он имел 52 практиканта. Вел «Товарища» опыт-



Группа моряков на рее. Фото участника похода парусника «Товарищ» — Евг. Шуана.

ный моряк — «старый морской волк», начальник Ленинградского морского техникума, тов. Д. Лухманов. Чтобы возместить расходы по плаванию, а также ради балласта, «Товарищ» взял груз гранитных кубиков для южно-американского порта Розарио.

Море встретило «Товарища» не приветливо — противными западными ветрами. Яростные седые волны били корабль прямо в нос, отбрасывая его в холодные просторы Ледовитого океана. «Товарищ» тяжело прыгал с волны на волну, скрипел, стонал; туго натянутые его снасти, как гигантские струны, гудели низким басом, пели песню дальних странствий. Но штурвал <sup>1)</sup> находился в опытных руках, и «Товарищ» упрямо, наперекор стихии, шел все вперед и вперед.

Только через две недели по выходе из Мурманска экипаж увидел мрачные скалы мыса Нордкап, памятные по первому неудачному плаванию «Товарища». За эти две тяжелые недели экипаж валился с ног от усталости. Бесперывные авралы <sup>2)</sup>, тяжелая опасная работа на реях из-

мучили окончательно практикантов. В жестокие штормы приходилось им крепить мокрые, замерзшие, стоящие дыбом паруса. Трескались от холода и соленой воды руки, лицо горело от снежных штормов, словно от укулов тысяч острых, безжалостных иголок. А еще через месяц «Товарищ» подошел к английскому острову Уайт, и муравьи-буксиры втащили его в гавань Саутгэмптона.

Яростные северные бури изрядно потрепали судно, чувствовалась необходимость в серьезном ремонте. «Товарищ» встал в док рядом с плывучим гигантом, пароходом «Левиафан». Они стояли почти борт о борт, эти два столь непохожие друг на друга судна: трансатлантический скоростной, пробегающий расстояние Лондон — Нью-Йорк с точностью хронометра, в 5 суток 11 часов 29 минут, и «архаика моря», парусный советский барк. Сорокаметровые мачты «Товарища» верхушками равнялись с верхней палубой этой громадины.

Переменив бегучий такелаж <sup>3)</sup>, обмундировав команду, поставив новую мощную радиостанцию, помывшись, почистившись, «Товарищ» с помощью двух буксиров вышел в море. Погода недолго побаловала красных моряков попутным ветром. Вскоре «Товарищ» заштилевал. В ожидании ветра, встали на якоре у юго-восточной оконечности острова Уайт, на рейде св. Елены. Ночью снялись и, снова борясь с противными западными ветрами, пошли к острову Мадейра.

## III.

117 дней без земли. — Ночь в океане. — «Пожиратель акулих сердец». — Ползающие галеты. — Земля!.. Земля!..

Двухдневная стоянка у острова Мадейра, отмеченная трагикомическим столкновением советских моряков с португальской полицией, была последним прощанием «Товарища» с землей, перед почти четырехмесячным морским переходом.

Сто семнадцать дней в океане, без перерыва, без надежды увидеть землю на горизонте! Семнадцать недель в беспредельных океанских просторах, и каждый день — плеск ярко-синих волн, зной субтропического солнца, нежная лазурь океана и неба.

Старик-океан дышит плавной, но могучей; на груди его «Товарищ», слегка покачиваясь, чертит по небу острыми верхушками мачт. Ночь. По-

скрипывает изредка переключаемый штурвал, полированное его дерево блестит при неярком свете ламп. Тихий шопот вахтенных. Странно звучат здесь знакомые слова: — Ленинград, СССР, Москва... Ведь рядом, за тонкой перегородкой — океан, та же неизменная большая мировая дорога, видевшая и галеры викингов, и каравеллы Колумба, и гигантские теплоходы нашего века. А когда почти достанешь рукой верхушки его ленивых волн, он кажется иным, чем с палубы парохода-небоскреба. О нем не забудешь, его ощущаешь всем своим существом, дышишь его свежим, соленым дыханием.

Взошла луна, положив по черни вод светлую, рябоватую дорожку. Океан заблестел, как усеянный осколками зеленоватого стекла. Ярче и ближе звезды, огромные, лучистые, непохожие на холодные и мелкие звезды нашей родины. И не верится, что где-то далеко, далеко, в родной, вечно-любимой стране, снежная вьюга лижет белыми языками беспредельные равнины, тоскливо воют по балкам волки и мигают теплыми огоньками окон утонувшие в сугробах деревеньки...

За эти сто семнадцать дней «Товарищ» мчался на всех парусах, подгоняемый вечным гулякой норд-остовым пассатом, и бестолково крутился в страшной для парусников полосе встречи двух пассатов, и удирал от штормов, и нудно штилевал на 20° широты.

Штилями практиканты пользовались для математических исчислений и астрономических наблюдений. На палубу вытаскивались умные, точнейшие, тончайшие приборы, секстанты, барометры, компаса и черные ящички хронометров, в которых заточено время, дабы не расплескались даже его тончайшие десятые доли секунд.

В штиль же устраивались состязания в плавание, а однажды, уйдя далеко на шлюпках, вернулись с диковинной добычей, — акулой в два метра длины. Распорол ей желудок, но не нашли традиционной бутылки с запиской. Зато нашелся смельчак, который решил испробовать редкое блюдо, — поджарил и съел сердце морского разбойника, за что и получил навеки кличку — «Пожиратель акулих сердец».

За месяц до прихода в порт Монтевидео <sup>4)</sup>, вышли все фрукты и консервы, заготовленные на Мадейре. Скрепя сердце, перешли на классическую матросскую еду — солонину и галеты. Однажды, перед обедом,

<sup>1)</sup> Рукоятка руля.

<sup>2)</sup> Общая работа, производимая экипажем корабля в целом его составе.

<sup>3)</sup> Совокупность снастей корабля. Стоячий такелаж — неподвижная оснастка; бегучий такелаж — снасти, при помощи которых управляют парусами.

<sup>4)</sup> Южная Америка.

получая свою порцию галет, один молодой моряк заметил, что в галетах появились черви. Сообщили об этом тотчас же вахтенному начальнику. Тот, старый моряк, знающий все порты мира, как мы знаем соседние улицы, пожал плечами:

— Чудаки вы! Мы же в океане! Не побежишь ведь на угол, в кооператив, за мягким ситным. Да это еще пустяки! Я едал галеты, которые ползали...

И он рассказал об одном своем походе на паруснике из Ревеля в Пернамбукко, когда из-за ужасных штилей, задержавших судно в океане, галеты ползали по полу от бесчисленного количества кишевших в них червей. Молодежь, выслушав рассказ, дружно расхохоталась и отправилась обедать с червивыми галетами.

Поэтому станет понятным восторженное чувство, охватившее экипаж «Товарища», когда на горизонте зачернела полоска земли. Все рассказывают, что в этот момент чувствовали себя поистине Колумбами и, подобно его матросам, кричали в

радостном исступлении: — «Земля!.. Земля!..»

117-дневный морской переход кончился. «Товарищ» подходил к берегам «далекой, сказочной и знойной» Аргентины.

#### IV.

В стране экзотики. — Порт Розарио. — Нашествие иноплеменников. — Встреча с «потемкинцами». — Пират XX века. — Живые герои майн-ридовских романов.

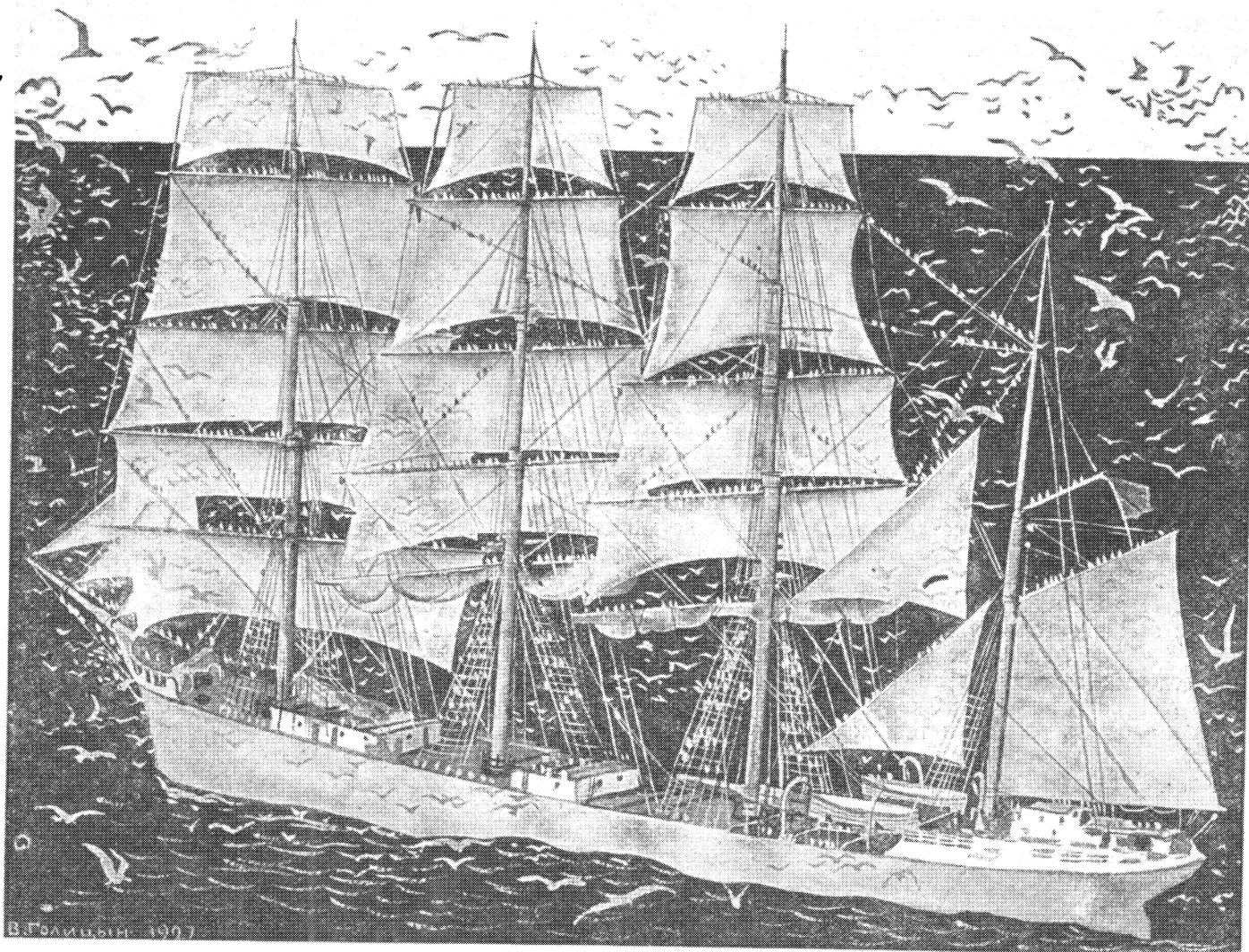
Экзотические имена: Монтевидео, Ла-Плата, Розарио, Парана, Буэнос-Айрес волновали сердца молодежи, как отзвук увлекательных романов и повестей, читанных в детстве. Вот она, страна экзотики, где все чуждо, непонятно нам, северянам, где природа так буйна, словно все время пьет гжучую, крепкую «таффию»!

После небольшой стоянки на рейде Монтевидео, в устье реки Ла-Плата, «Товарищ» пошел в порт Розарио, на реке Парана, для сдачи своего груза. 5 января 1927 года, рано утром буксир подтащил «Товарища» к стенке порта Розарио. Стояла изнуряющая жара без малейшего ве-

терка. Ведь январь — разгар южно-американского лета!

Несмотря на жару, портовая набережная была усеяна тысячами толпами аргентинцев, пришедших встречать советское судно. Встреча была исключительно радушной, даже восторженной. Жители Розарио буквально атаковали «Товарища». Это было настоящее нашествие иноплеменников. Команда была лишена возможности передвигаться по судну. На каждого нашего моряка приходилось в среднем по 60 чел. гостей, забрасывавших вопросами о судне, о походе, о России, о советах, о коммунистах... Маленькие смуглые аргентинцы удивляли наших моряков своей страстностью, темпераментностью. И тут команда «Товарища», к стыду своему, убедилась, что мы знаем об Аргентине много меньше, чем аргентинцы о нас. Аргентина же остро, до болезненности, интересуется великой страной Советов.

После двухмесячной стоянки в Розарио, в течение которой паломничество на наше судно не прекраща-



Нашествие перелетных птиц на избушку «Товарища» (одна из множества «встреч» в океане).

лось, «Товарищ» снялся с якоря и пошел в столицу Аргентины, город Буэнос-Айрес, увозя подарок аргентинской компартии — эдешних русских почитателей — металлический венок в мавзолей Ильича. Между прочим, команда «Товарища» встретила в Аргентине много русских эмигрантов, и среди них даже матросов с «Потемкина».

В Буэнос-Айресе местные власти продержали «Товарища» на внешнем рейде около пяти суток, а в городе все это время шло совещание, — пустить или не пустить в столичный порт «страшное» советское судно? Еще задолго до прихода «Товарища» буржуазные газеты кричали, что советское судно это — современный пират, что оно имеет пушки и плавают под пиратским черным флагом, с черепами и скрещенными костями...

Но под давлением «комитета встречи», «Товарищ» был введен в порт поздно вечером и поставлен в только что строящейся его части, в глухом углу, в 45 минутах ходьбы от ближайшей трамвайной остановки. Встретили «Товарища» пятнадцать молчаливых фигур полицейских, выстроившихся по набережной. Но полицейские меры не помогли. После громадного митинга в городе, десяти тысячная толпа рабочих хлынула неуправляемой лавиной через овраги, пустыри, смела все полицейские заставы, прорвалась на «Товарищ».

А на другой день явились и осмелевшие обыватели, к своему удивлению увидевшие, вместо пиратов, культурных советских моряков.

Авто-экскурсии по городу и его окрестностям дали возможность нашим морякам подробно ознакомиться со столицей Аргентины, этим южно-американским «Парижем», с его великолепными центральными улицами и грязными, нищенскими рабочими окраинами. При этом была интересная встреча с живыми героями повестей Майн-Рида и Густава Эмара — аргентинскими ковбоями. Правда, это уже не прежние, свирепые «гаучо», совершающие пьяные набеги на города; но и сейчас жизнь их полна всевозможных опасностей. В их руках находится национальное богатство страны — бесчисленные стада скота, и они месяцами кочуют с ними по диким пампасам.

Груз для Ленинграда — уже в трюмах «Товарища». Пришло время сниматься с якоря, проститься со «скалочной» Аргентиной.

## V.

К родным берегам. — Трехдневный шторм. — Гибель «Блэки». — Штиль в Саргассовом море. — Наперегонки с пароходами. — В родной Балтике. — Огни Ленинграда. — Конец похода.

21 апреля текущего года в 8 часов утра «Товарищ» близ пловучего маяка «Рекалада» отдал буксир

и поднял паруса. Обратное плавание под командованием второго капитана, т. Фреймана, было более спокойным. Правда, в Южной Атлантике три дня, с 6 по 8 июля, трепал судно жестокий шторм: шквалы клали парусник на борт, и малейшая неправильность в нагрузке грозила гибелью, он уже не выпрямился бы, перевернулся бы, как несчастный «Трюеве». Во время этих штормов погибла, смытая волной, судовая любимица — кошка «Блэки».

Саргассовое море поднесло неприятный подарок — недельный штиль. А затем снова норд-ост, и «Товарищ» помчался, унося на бортах прицепившиеся красные водоросли саргассов. Приближаясь к английским берегам, «Товарищ» при штормовой погоде развил исключительную скорость, оставляя за кормой пароходы.

После непродолжительной стоянки в английском Дувре, «Товарищ» 25 июля благополучно прошел грозный Зунд, миновал знаменитое «кладбище кораблей» и понесся по волнам родной Балтики.

Близ острова Нарген снова заштилевало, но подошедший пароход взял судно на буксир. И вскоре жадные глаза советских моряков увидели, после долгих 400 с лишним дней, яркое зарево огней Ленинграда.

Героический 15-месячный поход «Товарища» кончился. Родной ленинградский порт ждал его на новую стоянку.

# ГУСИНЫЙ ДЯДЯ

Из жизни на Байкале

Охотничий рассказ-быль В. Ветова

Два дня как уже охотился я на пустынном Байкальском «соре»<sup>1)</sup>. Два дня и две ночи жил на плоском, ржавом, необитаемом острове...

...Их много... десятки, сотни тысяч, быть может миллионы... Словно со всех сторон летят они сюда, и голубой весенний воздух дрожит от гула их звонких голосов и свиста могучих крыльев, занесших их сюда из неведомых далеких стран юга. Громадный сор, широко раскинувшийся в плоских, ржавых и топких берегах, давно уже почернел от бесчисленных стай уток, гусей, гагар, лебедей и чаек, при виде которых рябит в глазах у людей, пришедших сюда для того, чтобы убивать.

Ум человека перестал уже улавливать, где предел бесчисленных

стай, и предела здесь нет, потому что за тысячами птиц над светлым сором проносятся все новые и новые тысячи без конца, без счета... без предела. Чуть не каждая проносящаяся стайка зачем-то стремится опуститься сюда, оглашая вечерний воздух то громким радостным криком, то хлопотливым и беспокойным гомоном, то тихим торжественным призывом...

Выстрел... С громом водопада бурлит вода из-под срывающихся стай; воздух полон трепетных крыльев; заходящее солнце меркнет от туч взлетающих птиц... Сверху, справа, слева, спереди, высоко и низко — со всех сторон сплошной трепет, гул, свист и мельканье. Новы стаи садятся на место слетевших, и дымящееся ружье охотника, жадно щелкая стальными курками, уже ищет себе новых жертв.

Наконец, в первый раз в своей жизни, я сказал сам себе вслух:

— Довольно!.. Будет! Я уток больше не бью...

В первый день я стрелял еще уток, однако вскоре почувствовал пресыщение и заметил, что охоты, в собственном смысле этого слова, здесь уже не было, потому что дичь здесь не приходилось ни выслеживать, ни отыскивать, ни караулить.

Нет, утки положительно перестали меня интересовать, и я с увлечением принялся охотиться за лебедями и гусями, которых здесь, хотя и было великое множество, но охота на них все же была сопряжена с известным умением и трудностями.

Они были строги. На открытой воде садились далеко от берега, а когда залетали на кормежку в луга, то обыкновенно не подпускали к себе. И что за радостное чувство охватывало меня, когда на зорях начинали летать их говорливые стаи! Громадные, серые, могучие птицы волновали меня, и каждая убитая птица доставляла мне новые впечат-

<sup>1)</sup> «Сора» — мелкие заливы озера Байкал, заросшие водорослями.

ления и счастливые переживания, когда я брал за длинную шею тяжелого, жирного, теплого, еще вздрагивающего гуся.

Долго возился я над устройством шалаша на совершенно плоском и голом острове. Из прутьев и осоки я соорудил себе недурное прикрытие, однако вскоре выяснилось, что поставлено оно у меня не на должном месте, ибо гуси пролетали в стороне...

Перетаскивание шалаша с места на место брало много времени и труда. Новое место оказывалось тоже почему-либо неудобным, и шалаш следовало передвинуть еще на сотню шагов.

В конце концов, я добился-таки своего, однако в результате двух дней охоты, кроме большого числа настрелянных уток, я мог похвастаться лишь четырьмя гусями, лебедей же мне не удалось добыть ни единого.

«Охотник!».. — мелькнуло у меня в голове. За два дня своей охоты я не встретил здесь ни души. Моя уединенная жизнь на необитаемом острове хоть и нравилась мне, а все же увидеть человека теперь, после окончания охоты, показалось приятным, и я направил свою лодку к плоскому берегу. Там, в нескольких шагах от воды, увидел я искусно сделанную «засидку»<sup>1)</sup>. При моем приближении, из «засидки» внезапно вынырнула миниатюрная фигурка старого охотника с ружьем в руках.

Сняв шапку, я вежливо приветствовал его. Это был маленького роста, худенький, несколько сутуловатый старик, с приветливым и умным взглядом. Одет он был в темную охотничью куртку, на которой двумя яркими пятнами выделялась его длинная раздвоенная белая борода. Она первая бросалась в глаза

— Да, пять с половиной тысяч километров — не шутка... Впрочем, ради такой охоты можно проехать и больше.

Старик весело засмеялся.

— Не встречал я еще московских охотников... Давно здесь охотитесь?

— Два дня.

— Небось, много настреляли?

— Четыре гуся...

— Что ж так мало?

— Я и этим доволен. А вы много набили?

— Да нельзя сказать, чтобы много, а все-таки подходяще, — и он указал рукой по направлению к своей «засидке». Там лежали его трофеи. Их было вдвое, если не втрое больше, нежели у меня.

— Однако!.. И все это вы один настреляли?!

Старик опять засмеялся и закурил папироску. Закурил и я, и мы разговаривались.



... Их много... десятки, сотни тысяч... Словно со всех сторон летят они сюда...

Время шло, и пора было прекращать охоту. Уложив в легонькую лодочку настрелянную дичь и припасы, я не спеша отправился на веслах в обратный путь, к ближайшему селению Степновдворецкому.

Горы на той стороне Байкала голубели снегами. Несмотря на десятки верст, отделявших их от меня, они казались совсем близкими в прозрачном весеннем воздухе.

Верст пять прошел я на веслах по широкому мелкому «сору». Громадная стая гусей, плавно взмахивая серыми крыльями, с сдержанным гоготанием летела к берегу, очевидно намереваясь спуститься. Такой многочисленной стаи я здесь еще ни разу не видал. Опустив весла, я принялся с интересом следить за ее полетом. Она приближалась к берегу. Вдруг два белых дымка, словно два клочка ваты, внезапно вспыхнули там, и до слуха долетело два выстрела.

и была так бела, словно от нее исходил свет.

Старик приветствовал меня доброй улыбкой. Выйдя из «засидки», он направился ко мне.

— Тоже охотничек? — спросил он, пытливо всматриваясь в меня необыкновенно живыми, смеющимися глазами.

— Охотник... — отвечал я, невольно улыбаясь.

— Что-то не помню вас... не встречал...

— Не мудрено: я здесь впервые.

— Откуда? Из Иркутска?

— Подальше... Из самой Москвы.

— Из Москвы-ы?! — и во взгляде старика я прочел недоверие. — Ну, и издалечка же прибыли вы сюда за гусями! Нечего сказать, порядочный путь совершили...

<sup>1)</sup> Засидка или закладка — прикрытие, в котором охотники караулят дичь.

Интересуясь местным краем, я осыпал его вопросами, на которые он отвечал весьма обстоятельно, подробно и всесторонне освещая интересующие меня вопросы.

Я понял, что мой новый знакомый был не только страстным охотником. Он знал охоту. Знал ее в совершенстве, повидимому сроднившись с нею и приобретя в ней громадный опыт в течение десятков лет.

Здесь берега, озера и болота он знал, как свои пять пальцев; знал до тонкости все повадки и привычки перелетных птиц всех пород, и в результате дал мне столько практических сведений по этой части, что я почувствовал большое сожаление при расставании с симпатичным, мудрым стариком.

Узнав, что я направляюсь в Степновдворецкое, он предложил мне навестить его в селе Кабанском, расположенном отсюда приблизительно в пятидесяти километрах.





Из «засидки» внезапно вынырнула миниатюрная фигурка старого охотника с ружьем в руках.

— Я буду дома через недельку и, если вы заглянете ко мне в Кабанское, то буду рад... Фамилия моя Соколовский... Вы спросите—и вам укажут.

Я с радостью принял приглашение, и, пожав друг другу руки, мы направились в разные стороны: я к лодке, а он к своей «засидке».

Дойдя до воды, я оглянулся. Старик стоял на том месте, где у него прежде была «засидка». Его раздвоенная белая борода развевалась по ветру; он подбирал своих гусей. «Засидки» же его теперь не было: словно она провалилась сквозь землю. Вместо нее, на траве торчал стул и притом странной формы.

— Где же ваша засидка? — крикнул я старому охотнику, немало удивившись.

Обернувшись, он молча указал на небольшой сверток, который тут же легко перекинул себе на плечо.

Из любопытства я снова подошел к старику.

— Простите мое любопытство... но меня удивляет...

— Вас удивляет моя засидочка? Не правда ли?.. Она у меня переносная-с. — С этими словами старик снял с себя привешенный на ремне сверток, подав его мне в руки. В нем было не более двух килограммов веса.

— Это мое изобретение... Штука простая. Как видите, она сделана из обрывка неводной мерюги... Дайте я покажу вам, как ее нужно поставить.

В одно мгновение старик развернул сверток, оказавшийся обрывком обыкновенной тонкой рыбацкой сети шириной в один метр. К ней было привязано семь легоньких, тонких и длинных колышков. На каждый веревочный квадрат сетки был навязан небольшой пучок рогожи, буроватый оттенок которой как нельзя более подходил к цвету

ржавых весенних лугов с побуревшей осокой и к желтоватому цвету весеннего и осеннего жнивья. Менее чем в минуту старик поставил все сооружение, воткнув концом в мокрую землю семь легких колышков. В середину он поставил складной поворотный стульчик или, вернее, вращающийся табурет, вроде тех, которые употребляются пианистами при игре на рояле. Усевшись на стуле, он спросил меня, улыбаясь:

— Удобно?.. Дичь справа!.. — и, отпихнувшись ногой, старик быстро повернулся направо вместе с вращающимся сиденьем табурета. — Дичь слева!.. Дичь сзади!..

Старик быстро вращался со стулом и весело поглядывал на меня.

— И удобно и легко... Словом, практично. Сидишь себе не на сырости, а на сухенькой табуреточке и постреливаешь гусей во всех направлениях, не сходя с места. Это мое изобретение — и «засидочка», и табуреточка. Вес «засидочки» — пять с половиной фунтов.

Он ловко собрал свою «засидку» и, свернув ее, снова перекинул себе на плечо на специальном ремне.

Я вполне оценил практичность его выдумки. За два дня охоты я много потерял и времени и энергии оттого, что не мог определить точного места для своего шалаша, который мне с трудом пришлось претаскивать на большие расстояния. Будь у меня такое же легонькое приспособление, — моя охота была бы, несомненно, удачнее.

— Вот, попадете ко мне в Кабанское, я вам покажу еще кое-какие свои изобретения... Вам, как охотнику, будет интересно. — И, пожав еще раз друг другу руки, мы распростились в этот день окончательно.

\* \* \*

Весна проходила. Солнце грело полетному. Высокие синие горы Забайкалья попрежнему голубели седыми глубокими снегами. Серые гуси и белые лебеди, погостив на гостеприимном байкальском просторе, уже отлетели к своим родным озерам, а оставшиеся утки и бесчисленные кулики и бекасы давно уже хлопотали над выводом своих детей, когда я, наконец, попал в село Кабанское, расположенное на одной из широких протоков мутной реки Селенги.

— Где живет Соколовский?

— Соколовский?.. У нас такого нет...

Так отвечали удивленные моими вопросами обитатели села, которых

я вопрошал. В голову невольно закрадывалось подозрение: уж не перепутал ли я данный мне стариком-охотником адрес... И все же я продолжал свои поиски.

— Где Соколовский?

— Такого тут нет...

— Ну, как же нет!.. Вот на бумажке у меня записано: Соколовский, охотник, старик... вот с такой белой бородой...

— Ааа, с бородой!.. Так это тебе, стало быть, «гусяного дядю» надо!

— «Гусиного дядю?..»

— Ну, да... Он самый и есть Соколовский, окромя него других нет.

Молодой парень проводил меня к небольшому аккуратному серому дому с белыми ставнями. У дома правильно росли два высокие тополя — чуть не единственные деревья во всем большом селе. Не успел я войти в аккуратненькую калиточку, как тотчас же увидел длинную, белую, словно светящуюся бороду старика.

Гусиный дядя встретил меня приветливо и повел в свои покои. Все носило здесь отпечаток опрятности, порядка и, я бы сказал, какой-то жизнерадостности. В большой комнате, в углу стоял стол, на котором в порядке были разложены всевозможные современные советские журналы. На стене висели портреты вождей и картины с охотничьими сюжетами.

Комната, повидимому, служила столовой.

— Это что же?.. «Красный уголок», что ли? — осведомился я у дяди.

— Нет... так вообще журнальчики... литературка, чтобы не отставать от современности...

Мы прошли в его кабинет — небольшую, но уютно обставленную комнатку, где висело множество фотографий, в том числе и охотничьи.

— Уютно у вас тут... хорошо... — обратился я к гусяному дяде, рассматривая затейливую занавеску на окне, узор которой соответствовал узору обоев на стене. Внизу занавески был в красках изображен кофейно-пегий пойнтер на стойке. Фигура собаки была схвачена весьма живо. Вверху занавески красовались большие пятиконечные красные звезды с серпом и молотом посредине.

— Моя работа, — пояснил гусиный дядя.

— Да вы и художник, как видно?..

— Я!.. Все, что хотите... Немного понимаю во всем и люблю делать все сам.



Мы принялись беседовать. Он много расспрашивал меня про московскую жизнь, интересуясь решительно всем — и новыми достижениями и новым бытовым укладом.

Долго беседовали мы с ним о всякой всячине. Наконец, я напомнил ему его обещание показать мне свои охотничьи изобретения, и гусиный дядя повел меня во двор.

Мы подошли к большому сараю. Старик отпер ворота и пригласил меня войти.

— Вот штука, чтобы охотиться с комфортом, — сказал он, не давая мне осмотреться и поднимая с пола изящно сделанный небольшой плоский ящик, выкрашенный в зеленый цвет.

— Ящичек, как видите, имеет всего 12 вершков в длину и 3 вершка в высоту. Вес его только шестнадцать фунтов...

— И что же в нем находится?

— Стол, четыре стула и канделябр... Очень удобно на охоте... В палатке, можно сказать, незаметно...

И гусиный дядя раскрыл передо мною свое изобретение. Прежде всего извлек он оттуда красиво сделанную шашечную доску, затем появились одна за другой четыре зеленые пластинки с какими-то крючками и рамками, канделябр и чистенькая клеенка. Все это было за номерами и уложено в большом порядке в специальных гнездах. Самый ящик, будучи раскрыт, превратился в складной стол, длиной в один метр, на четырех ножках, вставляющихся в окованные гнезда. Стол тут же был покрыт клеенчатой скатертью и принял самый симпатичный и уютный вид. Четыре пластинки моментально превратились в легонькие табуретки с сиденьем из прочной отполированной фанеры, на ножках из раздвинутых рамок, снабженных шарнирами и прочно закрепляющихся крючками. Подвесной канделябр, предназначенный для освещения палатки, носил отпечаток своеобразного изыска. Тот же отпечаток носили и остальные предметы, сделанные очень просто, но чрезвычайно точно и аккуратно. Гусиный дядя оглядывал их отечески-нежным взглядом.

— Моя работа... делал все сам, — приговаривал он, похлопывая ладонью по табуреточкам, словно лаская любимую собаку.

Хитра и вместе с тем проста была выдумка. Мне искренно хотелось похвалить, однако я чувствовал, что не могу подобрать достаточно ярких выражений. Старик стал укладывать

табуреточки обратно в зеленый ящик, на внутренней стенке которого я случайно заметил длинную надпись, выведенную крупным и красивым почерком. Это оказалось целое стихотворение, придуманное все тем же гусиным дядей.

Я попросил старика разрешение списать стихи себе на память... Вот они:

Теплою весною болото грязное  
Все-то, все покрылось птицей водяною.  
Утки и гагары, гуси говорливы,  
Кулики, бекасы, лебеди спесивы —  
Все тут собрались  
Из страны не нашей  
На утеху дяде  
И его племяшей.

— Как же это так? И зачем это нужно?

— Очень просто... Представьте себе, что вы отправились на лодке на охоту. У вас обыкновенные весла. Вы сели, как полагается, лицом к корме и спиною к ходу лодки. У вас ружье. Но удобно ли вам будет стрелять дичь, поднимающуюся перед носом лодки? Вам все время придется всем корпусом оборачиваться назад для выстрела. Это очень неудобно. Вот я и придумал такие гребни, с которыми возможна охота на всякую водяную птицу. С этими



— Вот гребни, которые двигают лодку в противоположном направлении...

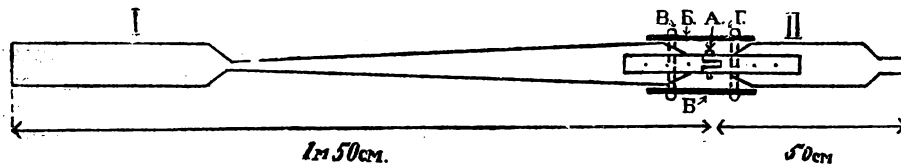
Покончив со своими складными стульями, старик притащил какие-то весла странного вида.

— Вот гребни <sup>1)</sup>, которые двигают лодку в противоположном направлении...

веслами вы садитесь лицом к носу, то-есть к ходу лодки, кладете перед собой ружье и гребете самым обыкновенным образом, а между тем лодка пойдет так, как она пошла бы, если бы вы сели лицом к корме. Поняли?

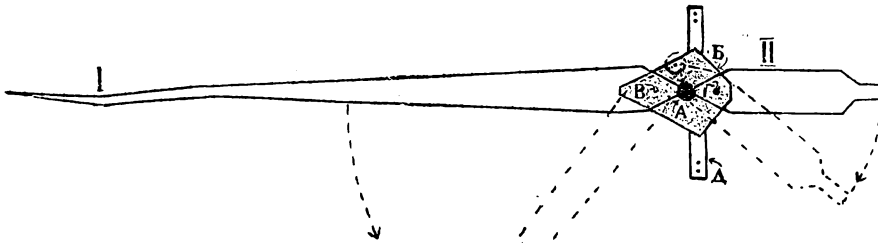
— Ничего не понимаю...

<sup>1)</sup> Гребни — весла.



Вверху—вид механического весла „гусиного дяди“ сбоку. Внизу—вид сверху.

Каждое весло состоит из двух рычагов (I—гребная лопасть—длинный, II—рукоятка—короткий), соединенных шарниром (А), около которого поворачиваются части весла. В и В'—две пластинки (сверху и снизу), через которые проходят еще два неподвижных стержня (В и Г), по одному на рычаг. Д—место прикрепления всей системы к борту лодки. При загребании поворот рычага II заставляет отходить шарнир А, что влечет за собой поворот (вокруг стержня В) рычага I. Так как точки В и Г остаются при этом неподвижными, а точка А смещается с прямой линии, их соединяющей, то лопасть I должна при этом подаваться вдоль своей длины в направлении к А, то есть „кататься“ (скользить) при гребле вдоль стержня В—одновременно с поворотом этого рычага вокруг стержней В и А. При этом создается большое добавочное трение, требующее затрат больших усилий, чем при гребле обыкновенными веслами. В этом и заключается недостаток не ед, изобретенных „гусиным дядей“.



— А вот смотрите.

Гусиный дядя приладил свои весла к двум бревнам, долженствовавшим изображать борта лодки, и потянул рукоятки весел к себе. Получилось что-то невероятное: весла, неизвестно по какой причине, тотчас же словно переломились под большим углом, и угол этот увеличивался по мере того, как гусиный дядя тянул к себе рукоятки; когда же он отводил рукоятки от себя, то лопасти весел переламывались в противоположную сторону. Иначе говоря, лопасти загребали как раз в обратном направлении, нежели им полагалось.

Я разглядывал со всех сторон это хитроумное приспособление и долго ничего не понимал. Наконец, сделав чертежик, я догадался, в чем дело, и понял действие рычагов.

Однако гусиный дядя не унимался.

— Теперь взгляните на эти сани, — обратился он ко мне, когда я покончил с черчением весел, — это сани для охоты на диких коз... Когда вы едете по дороге, вы сидите на них с удобством вот на этом сиденьи, опустив ноги, как на обыкновенных легковых санках. Когда же вы в лесу съезжаете с дороги и едете через пни и кусты, то сейчас же убираете ваши ноги вот сюда и поднимаете пол... вот так. Дно приподнимается на целый аршин, и в таком виде сани могут свободно проходить повсюду, не задевая за пни и кусты. Для удобства я устроил на шарнирах откидные отводы... Как видите, они поднимаются и пристегиваются на крючках... Тут ящик для провианта... Сюда можно складывать убитых коз... Не правда ли, удобно?.. Тоже сам все делал...

Он повел меня в дальний угол сарая.

— А вот ручной лодочный мотор... сделан из велосипедной передачи... ходит довольно ходко...

Старик указал на сооружение, напоминавшее маленький речной колесный пароходик. Он принялся крутить какие-то рукоятки, отчего колеса, снабженные лопастями, быстро и легко принялись вращаться.

— Когда я в первый раз прокатился в этой штуке по реке, народ даже «ура» кричал.

Гусиный дядя весело улыбался. Он показывал изобретение за изобретением. Каждое из них имело отношение к охоте; каждое было практично, продумано до тонкостей и выполнено точно и аккуратно руками самого гусиного дяди. Все эти

предметы носили осмысленный отпечаток. Чувствовалось, что они были выполнены с необыкновенной любовью — любовью к труду и созиданию.

Сарай старика был настоящей кунсткамерой. Глаза мои разбегались, я не знал, на что смотреть, чему отдать предпочтение...

Мне пора было ехать, и мы вышли во двор. Здесь тоже были дядины изобретения: во дворе бил фонтан, устроенный дядей. Рядом стоял им же сделанный, хитроумный колодезь. Рассматривая его, я отошел от дяди.

— Осторожней!.. Осторожней! Не подходите сюда!.. Опасно! — в испуге закричал он мне.

Я остановился, как вкопанный, озираясь по сторонам.

— В чем дело? — недоумевающе спросил я старика.

— А видите ли... тут у меня насторожена плашка на вора...

— Плашка?!

— Ну, да... плашка или кулямка, на манер той, какая настораживается в лесах, чтобы давить медведей... Вот, изволите ли видеть, в этом месте забор невысок и, если вор захочет меня пограбить, так он непременно перелезет забор именно в этом месте... Так вот, как только он перелезет, то наступит на эту дощечку... дощечка покачается на рычаге и натянет вот эту веревочку, идущую на крышу, а как веревочка натянется, так в тот же миг вора сверху придавит вон той здоровой доской с гвоздями... На ней пять пудов одних кирпичей...

Старик улыбался своей доброй улыбкой. Я невольно вздрогнул.

— У вас, я вижу, даже к жуликам чисто охотничий подход. Никогда не слышал про плашки на медведей, приспособленные на людей.

— Ничего не поделаешь... Два года назад меня в первый раз обокрали. Приходится принимать меры предосторожности... Вот одного только опасаясь: как бы мальчишка какой из озорства не перелез через забор и под плашку бы не попал. Тогда ведь, пожалуй, за мальчика отвечать придется... Вы случайно с новым кодексом не знакомы? Как там насчет этого вопроса... то-есть насчет малолетних?

Я не знал, что ответить, и невольно отступил на несколько шагов от страшного места.

\* \* \*

Тряская двуколка, запряженная сытой лошадкой, отвезла меня на далекий железнодорожный разъезд



С этими веслами гребец сидит лицом к ходу лодки.

Забайкальской железной дороги. Мысли мои все вертелись вокруг странной личности старого охотника-изобретателя. Вспоминалась наша с ним первая встреча на диком, пустынном берегу великого озера-моря, когда мы в первый раз беседовали вдали от людей, окруженные тысячами диких, вольных птиц... Здесь разворачивался его изобретательский талант.

Во что бы могли развернуться его недюжинные способности, живи он не в этом глухом уголке Забайкалья, а где-нибудь в нашем культурном центре! Быть может, тогда,

вместо засидок и весел, он созидал бы необыкновенные приспособления и машины, которые поражали бы нас своей целесообразностью и остроумием!

Везший меня бородатый крестьянин молчал всю дорогу. Неожиданно он обернулся ко мне:

— Ты, значит, в гостях у гусиного дяди был? — спросил он меня. Я кивнул головой.

— Правильный он человек!..

И, хлестнув сытую кобылку, крестьянин умолк, не проронив больше ни звука во весь наш длинный путь.

Но ничто не помогало. Свирепые мошки, под укусами которых ежегодно погибало немало крупного скота, не отставали от него.

Кабан ушел с открытого места опять в лес. Он бросился в узкое ущелье — прохладное и густо поросшее пышными папоротниками. Плотная туча мошек отстала от него, но отдельные насекомые забили в щетину, кусали морду, щекотали около глаз, залезали в уши.

Чем выше поднималось солнце, тем сильнее становилась мука. Только в густой тени лесных оврагов было немного легче; но укушенные места начинали распухать, кожа горела, и малейшее движение вызвало острую боль.

Наконец, солнце забралось и в овраг, куда спрятался кабан. И вскоре опять серая туча заслонила его — рои мошек снова облепили кабана.

Рыча и фыркая от боли, кабан вскочил. Он бросился в лес, взбирался на горы, спускался в ущелья. Кругом него носились и другие лесные звери, терзаемые той же лютой мошкаркой; в гнездах жалобно пищали умиравшие птенцы; посреди дороги скорчился заяц, дрожавший всем телом.

Перед заходом солнца кровожадные полчища мошек удесятерили деятельность и плотной пеленой облепили несчастного кабана. Он совершенно отупел и обессилел, растянулся на земле и покорно представил мошкам свое тело на мучение. Но, когда солнце село, мошки вдруг исчезли.

Кабан лежал и хрипел. Он был не в силах итти за пищей. Его ноги распухли, под щетиной образовались

## ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДИКОГО КАБАНА

Зоологический рассказ О. Альшера

Кабан встревожился. Он лежал в зарослях крапивы, на склоне, обращенном к востоку. Кругом стоял высокий буковый лес; за ним синели широкие долины и блестела река.

Кабан заворчал, приподнялся, прислушался, а потом, подняв кверху рыло, обнюхал воздух со всех сторон. Ничего, никаких подозрительных запахов.

Солнце взошло недавно, но уже погорячню припекало восточный склон. Был май, но деревья давали еще мало тени. С верхних веток то и дело с шуршанием что-то падало на сухие листья на земле. Зима была мягкая, и гусениц развелось множество. Дубовый лес внизу был нечисто обглодан ими.

Кабан не мог дольше оставаться на своем ложе. Он продрался через заросли крапивы и малинника на небольшое открытое пространство и там остановился, приняв хиваясь и прислушиваясь.

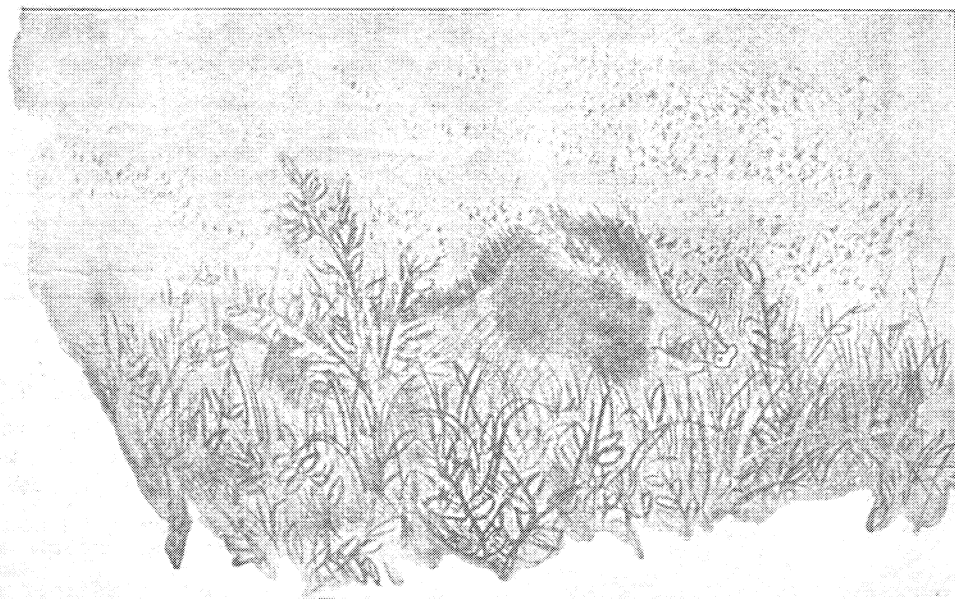
Странная тревога наполняла лес. Птицы не пели, а только беспокойно перекликались: сойки с криком носились между деревьями, мелкие птички то и дело вспархивали и перелетали стайками, как будто их кто-нибудь спугнул. На одном дереве жалобно попискивали молодые дрозды, словно на них напали муравьи. Солнце светило тускло, над лесом точно скользили облака, это надвигались по ветру миллиарды сереньких точек.

Кабан вдруг увидел, что его окутало такое облако, и все тело его тотчас же начало мучительно чесаться. Он чувствовал ежеминутные уколы за ушами, на животе, на внутренней стороне ног. Уколы становились все сильнее и причиняли мучительную боль.

Кабан был крупный, сильный зверь с огромными клыками, которые загибались вверх по бокам длинного рыла. На спине его торчала жесткими пучками щетина. Он был худ, как доска, а в высоту достигал  $1\frac{3}{4}$  метра.

Он начал бешено кидаться по сторонам, чтобы избавиться от мучителей. Он сердито рычал, бросался в кусты, но мошки крепко сидели на самых чувствительных местах его тела. Лишь только он выходил из чащи, как на него набрасывались новые рои мошек, которые теплый май в изобилии рассылал во все стороны из дунайских болот.

Укусы их приводили кабана в бешенство. Он носился кругами, катался по земле, вырывал клыками из земли корни и кусты. Тучи листьев и земли носились кругом него.



Кабан — крупный, сильный зверь с огромными клыками — лежал в зарослях крапивы. Целое облако мошек окружало его.

# Полное Собрание Сочини

ДАЕТ СВОИМ ПОДП

ПУТЕШЕСТВИЙ,  
ОХОТЫ И НАУЧНО

IV ГОД ИЗДАНИЯ

Акционерное Изд-ское О-во  
„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.

## ВСЕМИРНЫЙ

В 1928 году подписчики журнала для семьи и

### 12 №№ „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“

ежемесячного богато иллюстрированного журнала путешествий, краеведчества, приключений, охоты и научной фантастики. Журнал выходит в 1928 году в прежнем объеме (80 страниц), в **многокрасочных** художественных обложках, с многочисленными рисунками, фотографиями, картами, схемами, чертежами. В связи с учащением выхода „Вокруг Света“ до **двух раз** в месяц, в 1928 г. является возможность помещать в „Следопыте“ **более крупные литературные произведения** как советских, так и иностранных авторов (романы, повести).

1928  
САДОВИТ

около  
**1000 стр.**  
большого  
формата



### ПРИЛОЖЕНИЯ К НЕМУ:

### 12 №№ жур-нала ТУРИСТ

—первого специального журнала, посвященного пешеходному, водному и горному туризму как в СССР, так и за границей. Этот журнал издается при участии видных деятелей по вопросам туризма. Лозунг журнала—„одно хорошее путешествие стоит ряда прочитанных книг!“ Содержание: наиболее яркие рассказы и занимательные путевые очерки туристов; как и где путешествовать по суше, морю, озерам, рекам и в горах; интересные и дешовые маршруты; масса зарисовок с натуры, фотографий, карт.

около  
**200 стр.**  
журнально-го формата  
(или 400 стр. форм. „След.“).

**КРОМЕ ТОГО,** все подписчики получают в течение года на последних страницах обложки журнала „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ **12 многокрасочных** в которой будут представлены типы населения, орудия производства, устройство жилищ, образцы утвари.

**КРОМЕ ТОГО,** все годовые подписчики, выславшие полностью годовую подписную плату (6 или 10 р.) не позднее 1 января 1928 г., получают с № 1 „Следопыта“ дополнительную **бесплатную премию**.

КРОМЕ ТОГО подписчики „Всем. След.“ пользуются скидкой 30% на все книги Изд-ва „ЗиФ“.

**1-й абонемент (за 6 руб.):**

12 кн. „Всем. След.“, 12 №№ „Всем. Туриста“ и 24 №№ „Вокр. Света“ на год—6 р., на 6 м.—3 р. 25 к., на 3 м.—1 р. 75 к. и на 1 м.—60 к.

Для подписчиков по 2-му абонементу **НЕПОСРЕДСТВЕННО ИЗ ИЗД-ВА** предоставляется, при подписке

## У С Л О В И Я

С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ

ЗАПОЛНЯЯ ПЕРЕВОД, НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРИБАВИТЬ СВОЙ Г



# ЖИЗНИ ДЖЭКА ЛОНДОНА

## И С Ч И К А М Ж У Р Н А Л

ПРИКЛЮЧЕНИЙ,  
И ФАНТАСТИКИ

# СЛЕДОПЫТ

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ  
(ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ):

Москва, центр, Псковский пер., 7.  
Акционерному Издательскому Обществу  
„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.

школы „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ получают:

## 24 №№ „ВОКРУГ СВЕТА“,

ходит в плотной обложке. Учащение его выхода позволяет ввести в журнале печатание больших увлекательных РОМАНОВ и ряд новых отделов, как-то: Звездное небо, Научные открытия и Технические изобретения, Замечательные морские плавания и др.

двухнедельного иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше, на море и в воздухе. В 1928 г. „Вокруг Света“ вы

около  
480 стр.

журнально-го формата

## 24 КНИГИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЖЭКА ЛОНДОНА

## 24

Все издание—48 книг—рассчитано на два года (1928—1929).

Это первое общедоступное издание полного собрания сочинений популярнейшего автора нашей современности является фундаментальным вкладом в библиотеку каждой семьи, школы, клуба и избы-читальни. В 1928 г. читатели получают первую половину—24 книги, в которые войдут следующие романы, повести и рассказы:

Биография Джэка Лондона (написанная его женой Чармиан Лондон).—Сердца трех.—Джерри Островитянин.—Майкель, брат Джерри.—Рассказы рыбацкого патруля.—Северная Одиссея.—Смок-Белью. Смок и Малыш.—Путешествие на „Снарке“.—На цыновне Маналоа.—Дорога.—Приключение.—Межзвездный ситалец.—Зов предков. Бельчьи клыки.—Сила сильных. Принцесса.—До Адама. Алая чума.—Сын солнца.—Морской волк.—Дочь снегов.—Игра. Первообытный зверь.

Каждая книга содержит около 150 стр. убористого четкого шрифта, всего в 24-х книгах около 3500 страниц. (В отдельном издании „ЗИФ“ полное собрание сочинений ДЖЭКА ЛОНДОНА стоит 36 рублей).

Отдельно на собрание сочинений ДЖЭКА ЛОНДОНА подписка не принимается.

около  
3500  
СТРАНИЦ



## ЧННЫХ ТАБЛИЦ—„ГАЛПЕРЕЯ НАРОДОВ СССР“,

и одежды и другие признаки этнографических особенностей основных групп народов нашего Союза.

представлено в адрес Издательства Луи Буссенара—„ТАЙНА ЗОЛОТА“ (свыше 200 стр., стоимостью о—большой приключенческий роман в отдельной продаже 95 коп.).

## ПОДПИСКИ

ВО ВСЕ МЕСТНОСТИ СССР

### 2-й абонемент (за 10 руб.):

12 кн. „Всем. След.“, 12 №№ „Всем. Туриста“  
24 №№ „Вокруг Света“ и 24 книги ДЖЭКА ЛОНДОНА на год—10 руб., на 1 м.—1 руб.

Подписка на „Всем. След.“ без приложен. или отдельно на какое-либо приложен. НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

РАСЧЕТ—РАССРОЧКА ПЛАТЕЖА: при подписке—3 р., к 15 марта—3 р., к 15 июня—2 р. и к 15 сентября—2 р.

РИВЕННИК В ФОНД САМОЛЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА „ЗИФ“!

## Дорогие товарищи-читатели!

„СЛЕДОПЫТ“ вступает в четвертый год своей жизни и, хотя уже твердо стоит на ногах, однако, еще не вышел из периода роста — роста объема, тиража, качества.

Одновременно с улучшением содержания и увеличением объема журнала (и его приложений) — увеличивается количество подписчиков, а это в свою очередь позволяет редакции и Изд-ву принимать меры к дальнейшему улучшению как содержания, так и внешности журнала.

Успешное проведение подписки на 1928 год непосредственно и главным образом зависит от коллектива читателей. Редакция и Изд-во сделали все необходимое, чтобы вовремя оповестить о подписке на будущий год, — и теперь от самого читателя зависит получение им вовремя журнала и приложений. При огромном тираже наших изданий — опоздавший подписаться рискует остаться без журнала: не может же Изд-во печатать „на всякий случай“ десятки тысяч экземпляров! — Значит, начиная печатать первые номера в конце декабря, мы должны знать, сколько нам печатать: и подписавшимся с опозданием, может быть, придется ждать второго издания (как это и было в 1927 г.).

Поэтому активные читатели, заинтересованные в качестве журнала и его своевременном выходе, должны не только сами подписаться в декабре, но всячески побуждать к этому же всех других, кого они привлекают к подписке (а мы не сомневаемся, что каждый наш читатель одновременно является и распространителем наших журналов).

В № 5 „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“ за 1928 год будут опубликованы фамилии собравших наибольшее количество подписчиков; кроме того, в середине-конце 1928 года между распространителями наших журналов будут разыграны ЦЕННЫЕ ПРЕМИИ, в том числе

### ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СССР

(с заменой по желанию наличными деньгами — 300 руб). ВСЕГО ПРЕМИЙ НА 1900 РУБ. В розыгрыше премий примут участие все распространители, собравшие не менее 5 подписок (на каждые 5 собранных подписок — один билет). Подробные условия (список премий, порядок розыгрыша и т. п.) будут объявлены в течение года.

Ниже мы помещаем список наших активных читателей-распространителей за 1927 год, которым Изд-во, контора и редакция выражают глубокую благодарность и пожелание дальнейшего тесного сотрудничества с нами:

Плеханов А., Бородин И. Г., Ратников А., Гуд Н. П., Резниченко И. И., Распекова З. А., Андреев Д. Г., Полузан М. И., Денисов И. П., Пятченко, Каузов Т. К., Филиппов А. Е., Кузнецов Б. Г., Дмитриев С. Ф., Ревз А. В., Фесенко М., Мельников В. А., Литвинов А. Д., Заверткин Н., Николаев И. В., Воронин В. А., Окунов В. А., Долгов К., Храпов Д. А., Дашков В. Ф., Леверов П. И., Телинов Е. К., Андреев М., Суртин Г. Б., Лукашин И. А., Любавин А. А., Зырянов А. Ф., Попов В. П., Шелев А. С., Назаров А. И., Неронов С. Н., Соловьев Д., Кубышкин В. Н., Маслаков И. Ф., Голдаевич Лев, Андреев П. А., Меньшутин П. Н., Рудыко С. А., Давыков П. А., Володяев В. П., Погопов В. С., Каштанов Г. Ф., Кахеристый М., Никитасев В. Д., Шаповалов В., Лебедев, Г. С. Петров А. П. и ряд работников фабрик, заводов, школ и библиотек.

<sup>1)</sup> Если заказ высылается отдельным письмом, в переводе надо обязательно указывать: „подписка на Следопыт. Заказ отдельным письмом“.

## С ПЕРВЫХ НОМЕРОВ В 1928 ГОДУ НАЧНУТСЯ ПЕЧАТАНИЕМ:

в ж. „Вокруг Света“ — большой научно-фантастический роман А. БЕЛЯЕВА (хорошо известного нашим читателям автора „Головы профессора Доуэля“, „Острова Погибших Кораблей“ и других романов и рассказов) — **ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ**

в ж. „Всемирный Следопыт“ — большой фантастический рассказ И. ДЕЛЬМОНГА на тему об американской казни на электрическом стуле — **ОСТРОВ КАЗНЕННЫХ**

**СРЕДИ ДРУГОГО МАТЕРИАЛА В НАШИХ ЖУРНАЛАХ, В 1928 ГОДУ БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ:**

**Остров гориллоидов.** Большой африканский научно-фантастический роман Оганутро на тему о скрещивании человека с обезьяной.

**На спеле!** Большая историко-революционная повесть М. Зуева-Ордынца (из эпохи пушеческого движения).

**Полярные люди.** Отдельные законченные главы из большого романа Э. Белле-Сгранд, посвященного жизни и приключениям норвежских рыбаков.

**Робинзоны Атлантических островов.** Повесть о пяти современных робинзонах, заброшенных на пустынный остров — Г. Денвалл.

**Таинственный изобретение.** Большой приключенческий рассказ из быта таинственной индусской секты звероподобников — И. Дельмонта.

**Книжки.** История европейки, выросшей среди туземцев Австралии. Большой рассказ Де-Зар-Стэнхуа.

**Маракотина бедняга.** Новый научно-фантастический роман А. Конан-Дойла (местом действия являются глубины Атлантики).

**По туления с аэропланом.** Большая повесть участника беломорской туленбойной экспедиции кап. Воронина.

**Новый Гулливер в стране лилипутов.** Социально-фантастический американский роман.

**За сибирскими оулами.** Большая краеведческо-приключенческая повесть из жизни байкальских рыбаков В. Вегова.

**Приключения Боченкина и Хвоща** (наши Пат и Паташон). Новая серия юмористическо-охотничьих рассказов В. Вегова.

**Предательский груз.** Трагический рассказ из жизни ожесточенных водников — В. Белоусова.

**Подвальные приключения подводной лодки.** Научно-фантастический роман И. Железничкова, построенный на действительных изобретениях советского конструктора рабочего И. Мухартова,

и ряд новых рассказов наших постоянных сотрудников-беллетристов: Е. Белоусова, Александра Сытина, И. Коралева, А. Беляева, М. Зуева, Вл. Белоусова, В. Вегова, И. Оксгола, Льва Гулиевского и мн. др.

**РЕДАКЦИЯ „СЛЕДОПЫТА“ ОРГАНИЗУЕТ В 1928 ГОДУ БОЛЬШОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС И РЯД ДРУГИХ КОНКУРСОВ**

ПОДРОБНЫЕ УСЛОВИЯ КОНКУРСОВ БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ „СЛЕДОПЫТА“.

болезненные шишки, его лихорадило, глаза так заплыли, что он почти ничего не видел, а мощные челюсти изредка раскрывались и опять злобно сжимались. Так прошла ночь. Но еще до того, как появилось солнце, кабан забрался в самую глубину ущелья, нашел ручей и стал плескаться в прохладной воде, высунув из нее только спину и голову.

Но вот солнце снова осветило долину, и воздух опять закишел мошками. Они не носились, как вчера, тучами, а равномерно распределились по всему лесу. Где пахло живым телом, там они собирались роями.

И опять они облепили кабана, и снова ему пришлось окунуться в воду с головой, чтобы избавиться от них.

Солнце стояло уже высоко, когда кабан заметил движение на горе. Он втянул в себя воздух, чтобы узнать, не грозит ли ему опасность, но распухший нос не почуял ничего. А потом с горы потянуло едким дымом, который осаживался в глубине долины. От этого дыма мошкара рассеялась.

Кабан услышал хрюканье и шаги свиней. Он с трудом выбрался из воды, хотел было взобраться на гору по другому склону, но ноги его одеревятели, а в когтях не было силы, чтобы цепляться за твердую землю.

Он сорвался вниз и лежал, пытая и сопя на берегу ручья. Стадо домашних свиней подошло к нему.

Они с хрюканьем и сопением окружили кабана и, видя его беспомощность, обнюхивали его не то с любопытством, не то с соболезнованием. Кабан чуял в них родичей и не тревожился.

Но вдруг раздался человеческий голос. Кабан испуганно вскочил, хотел бежать, но свиньи тесной толпой окружили его и не пускали. К стаду подошли два пастуха — мальчик и девочка. Десятилетний мальчик нес в руках тлеющий древесный гриб. Видя, что свиньи намереваются остаться в долине, пастух положил гриб на землю и прикрыл его сухими листьями. Через минуту из кучи листьев повалил густой дым. У девочки, которая выглядела немного старше, была в руках бутылка с нефтью, которой она то и дело мазала свиньям животы и под ногами — запах нефти отгонял от животных мошкару. За детьми бежали две лохматые румынские овчарки.

Одна из них вдруг подняла морду, залаяла и пыталась ворваться в столпившееся стадо свиней. Она почуяла кабана. К ней вскоре присоединилась

другая, и обе с диким лаем стали бросаться на стадо, но свиньи со свирепым хрюканьем отражали нападение, которое они приняли на свой счет. Поведение собак привлекло внимание детей, и они заметили кабана.

— Посмотри! Какая-то чужая большая свинья! — крикнула девочка.



Дикая сила проснулась в кабана: он зарылся головой в колья загона и рванулся так, что прутья и колья полетели во все стороны...

— Да, да, — ответил мальчик. — Вся черная и с какими клыками!..

Дети начали рассматривать кабана, который, стараясь подняться, беспомощно опускался на задние ноги.

— Она большая, — сказала девочка.

— Совсем не большая. Ее заели мошки. Она не намазана нефтью.

— Так давай намажем.

Они подошли к кабану. Девочка остановилась в нерешительности.

— А он не укусит? Он какой-то страшный.

— Если укусит, я ему дам по рылу, — храбро ответил мальчик.

Кабан тяжело повернул голову и щелкнул челюстями. Но румынские дети с ранних лет пасут свиней и овец одни, без взрослых, и им случается бросаться с топором и на волков, когда те нападают на их

стада. Девочка смазала кабана нефтью сначала спину, и он не противился. Он точно понимал, что ему не грозит опасность, и вскоре почувствовал, что нефть смягчает боль.

Через несколько минут нефтью были вымазаны все чувствительные места тела. Кабану стало лучше. Он поднялся и вместе со свиньями пошел вниз по долине, не смея вырваться из стада, вокруг которого с лаем носились собаки. Немного успокоив-

шись, он стал рыться в земле — голод давал себя знать.

— Какая большая свинья, — удивлялись дети. — Только уж очень худая. Вот, если бы ее откормить...

Кабан проходил со стадом до самых сумерек. Несколько раз пытался он бежать, но собаки удерживали его. К вечеру дети погнали свиней вниз, в долину. Там, прислонившись к скале, стояла избушка пастуха. Невдалеке было устроено стойло из кольев, оплетенных ветками — туда и загнали свиней на ночь. Кабан со страхом попятился от тюрьмы, но собаки бросились на него, и ему пришлось войти в загон. Крепко затворив ворота, дети ушли в избу готовить себе ужин. Отец их уехал в деревню за провизией и должен был вернуться дня через два.

На утро пастухи опять выгнали стадо в лес. Кабан вышел вместе с ними. Его худая черная спина высоко торчала над спинами соседок. Кабан опустил голову и шел спокойно, только злые глазки его тревожно поблескивали. Он все еще ощущал, присутствие яда в теле и одеревенение в ногах. Лишь изредка, если его толкала какая-нибудь свинья, он злобно рычал и грозил ей страшными клыками. Несколько раз пытался он уйти от стада, но всякий раз, как он отходил в сторону, собаки со свирепым лаем бросались на него. У него еще не было сил, чтобы ответить на это по-своему.

На детей он смотрел уже без страха. Когда они подходили к нему, он только готовился к защите, но не намеревался нападать и, хотя и беспокоился, но все-таки стоял смирно и, опустив голову, покорно позволял мазать себя нефтью.

Когда свиньи, выбрав место, располагались на пастбу, пастухи разводили костер из листьев. Кабан очень скоро заметил, что в дыму мошки не приставали к нему. Когда дети говорили или пели, он тревожно водил ушами. Человеческий голос всегда пугал его и заставлял обращаться в бегство, но страшнее всего был лай собак. Заслышав его, кабан начинал метаться, фыркал, сопел, а маленькие глазки его становились дикими и злыми.

Чем больше пленник поправлялся, тем сильнее раздражала его необходимость ходить в стаде. Но, когда он оглядывался на детей, он точно успокаивался. Он испытывал к ним что-то вроде благодарности.

В тот день, когда дети ожидали возвращения отца, они погнались свиней домой в полдень. Едва свиньи были заперты в загон, как вернулся пастух. Услышав стук лошадиных копыт, собаки подняли лай и радостно бросились навстречу хозяину.

— Смотри-ка, отец, какую мы нашли большую свинью, — с гордостью сказал мальчик отцу, указывая на кабана.

Пастух взглянул и громко воскликнул от удивления:

— Да ведь это дикий кабан!

— Дикий?.. А ходит со стадом — как ручной...

Пастух недоверчиво покачал головой.

Дети рассказали ему, как они нашли кабана в ручье, совсем заеденного мошками. Пастух осмотрел его.

— Да, — сказал он, — бедняга здорово пострадал! Но, когда он поправится, он убежит непременно.

— Надо его привязать, — предложил мальчик.

— Это не поможет, — возразил отец. — Он порвет все веревки. Его надо запереть. Но загон для него слишком слаб. Надо выстроить для него стойло попрочнее.

И он тотчас же принялся за работу.

Затесав толстые колья, он вогнал их в землю один возле другого, потом оплел их прутьями, а с одной стороны оставил отверстие, выходящее в загон. Стоило было готово.

Предстояла нелегкая задача загнать туда кабана. Для этого прежде всего надо было вывести из загонки домашних свиней. Пастух и дети вооружились дубинками и стали отгонять ими кабана от выхода, куда он хотел проскочить вместе со свиньями. Нескоро удалось им сделать это, но, наконец, кабан остался в загоне один. Он рычал, щелкал страшными челюстями. Его загоняли в угол, — и он останавливался со вздыбившейся щетиной, готовый напасть на пастуха.

Голоса людей доводили его до бешенства — он начинал метаться, но заставить его пройти через отверстие в стойло было невозможно.

Медленно, но верно, замыкался круг нападавших, все дальше и дальше отступал кабан. Вот его загнали

в угол. Он остановился и уставился на преследователей злыми красными глазками. С удивлением смотрел он на детей и не мог понять, почему они вдруг стали его врагами. Видя, как они замахииваются на него палками, он опускал голову, как будто эта измена глубоко печалила его.

Но вот он очутился у самого входа в стойло. Довольно было одного шага, чтобы очутиться там. Опять он бросил злобный взгляд на пастуха, а потом перевел его на детей, словно ища защиты. Но они угрожающе махали на него палками, и голоса их уже не были нежны и ласковы, как прежде, а гневны и нетерпеливы.

Кабан понял, что у него нет друзей среди людей. Вся его дикая сила проснулась в нем опять. Он медленно повернулся к пастуху и, широко раскрыв пасть, бросился на него. Пастух отлетел в сторону. Прежде чем он успел подняться, кабан зарылся головой в колья загонки. Прутья и колья полетели во все стороны, и кабан очутился на свободе. Собака, которая бросилась за ним, взлетела на воздух...

Огромный, сильный зверь скрылся в лесу. Пастух смотрел ему вслед широко раскрытыми глазами и, пожалуй, был даже рад, что добыча ушла от него...

## ДВА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Юмористический рассказ И. Окстона

Итак, Ефим Свистков стал изобретателем. До сих пор он слыл только за лодыря. Мать с сокрушением глядела на его угловатый череп, будучи твердо уверена, что в этом черепе совершенно пусто.

«Но и такие пустоголовые люди все-таки на что-нибудь годятся» — думала она и предлагала сыну заняться хотя бы вылавливанием из реки плывущих поленьев.

Но этот совет матери пропал даром. Ефим попрежнему ничего не делал.

Однажды, когда штиблеты у Ефима пришли в полную негодность, а мать решительно отказалась купить ему новые, он решил, что праздное времяпрепровождение просто экономически невыгодно, а наиболее подходящее для него занятие — умственный труд.

Преимущество этого рода труда перед другими состоит в том, что такой трудящийся может работать, не двигая руками и ногами и лежа совершенно неподвижно в постели. Таким образом, Ефим мог начать новую трудовую жизнь, не изменяя в корне своих привычек.

В первые же дни своей трудовой жизни Ефим, лежа в постели, добросовестно шевелил мозгами без перерыва три часа.

— Целый день проспал, лодырь, — огрызулась на него мать. — Лучше бы за это время поймал в реке пару поленьев!

— Пару поленьев!.. — рассмеялся Ефим в ответ. — Но ради этого не стоило бы терять времени...

Утолив голод, Ефим опять занял место на кровати. Он прервал воркотню матери:

— Я не зря лежал до обеда. Я доходное дело обдумал.

— Какое такое дело? — недоверчиво покосилась на него мать.

— А такое, которое мне сразу даст тысячу рублей, а то и больше.

Мать проговорила уже с тревогой:

— Уж не вздумал ли ты ограбить кого-нибудь?

— Ну, вот еще! — сказал Ефим недовольным тоном. — Я в бандиты не собираюсь. Я пользу хочу принести человечеству.

— Что же ты затеял такое?

— Хочу быть изобретателем. Если хочешь знать, это самое выгодное дело. Вот, например, Христифор Колумб — немец такой был — он телеграф изобрел, и на этом большие деньги нажил. После он в Америке большой дом купил, в сорок этажей. А Пушкин? Слышала, такой поэт был? Он печатную машину выдумал, чтобы сочинения свои печатать. Тоже деньги нажил...

— Мелешь, — пророчала мать, махнув на сына рукой.

— Вот так-то всегда, — обиделся Ефим. — Так и с Вальтером-Скоттом было, когда он паровую машину из самовара сделал. Тоже не поверили, думали — не машина, а ерунда какая-нибудь. А оказалась машина в сто квадратных сил.



Мать опять заворчала, уже возвысив голос (тошно ей становилось от этих речей сына), но Ефим продолжал с горячностью:

— Я вот простую штуку изобрел. Телегу для крестьян, на чем навоз или сено возить.

— Да замолчи же! — почти закричала мать. — Обидно даже слушать такие глупости. Что у тебя за сумбур в голове!

— Нет, постой, мамаша, не ерпенься! Я дело говорю...

Даже с кровати вскочил Ефим.

— Как же это дело? Говоришь — телегу изобрел? Что за телега такая, кому она нужна?

— Телега с виду самая обыкновенная и не дороже любой простой телеги обойдется. А польза от нее огромная будет.

Мать уже не слушала сына и вышла в сени по своим делам. А тот, запахнувшись в рыжее оборванное пальто, побежал к своему приятелю Сергею Опилкину, жившему через три квартала. Шел сильный дождь, рваные штiblеты Миши хлопали по лужам.

Ефим застал приятеля уныло лежащим в постели. Встреча двух лодырей была безрадостная.

— Проклятый дождь! — выругался Ефим, оставляя на полу грязные следы.

— А ты бы лежал дома, — отозвался Сергей мрачно. — Зачем тебя принесло в такую погоду?

— А затем, что надоело быть бездельником, — сказал Ефим с гордостью. — Хочу с тобой посоветоваться, кому мне продать мое изобретение.

— Какое изобретение?

— Телегу. Я ее сегодня выдумал.

— Ты выдумал телегу?

— Ну-да. Особенную телегу, которую легче везти.

— А что за телега такая?

— Телега вроде обыкновенной, только сзади у ней пятое колесо.

Сергей засмеялся.

— Пятое колесо? А на кой оно шут?

— Да ты не смейся, — рассердился Ефим. — Вот я чертеж принес. Иди к столу, разберем вместе...

Сергей нехотя поднялся с кровати. Ефим положил на стол листик бумаги и стал объяснять.

— Вот, скажем, обыкновенная четырехколесная телега. Псложим, что она поднимает воз в 40 пудов. Стало быть, на каждое колесо приходится тяжести по 10 пудов. Правильно?

— Правильно, — согласился Сергей.

— А теперь, если приделать к телеге пятое колесо, то на каждое колесо придется тяжесть?

— По восемь пудов, — высчитал Сергей.

— Стало быть, на сколько пудов убавится тяжести на одно колесо?

— На два пуда.

— А на все пять колес.

— 10 пудов, стало быть...

— Вот и выходит, что воз, весивший при четырех колесах 40 пудов, при пяти колесах будет весить только 30 пудов. А облегчить воз на 10 пудов — это что-нибудь да значит при наших дорогах.

Сергей был поражен.

Он еще раз проверил вычисление и нашел, что Ефим совершенно прав.

— Только смотри, никому ни слова! — предостерег его Ефим. — Как бы не перехватали. А теперь давай обсудим, как нам патент получить.

\* \* \*

Но зависть к успеху Ефима уже закралась в сердце Сергея. «Такое простое

изобретение — и никто раньше не мог догадаться!» — думал он.

Внезапно его осенила мысль:

«А что будет, если сделать у телеги не пять, а еще больше — например, восемь или десять колес?»

Он высчитал:

«Если воз весит 40 пудов, то на каждое колесо приходится тяжести по 10 пудов. Если же колес не 4, а 10, то на каждое колесо придется по 4 пуда. То-есть, на каждое колесо облегчение веса будет в 6 пудов, а на все 10 колес — 60 пудов. Стало быть, воз в 40 пудов не только не будет ничего весить, но еще полетит вверх и поднимет около 20 пудов сверх имеющихся сорока»...

Сергей задрожал от волнения.

— Да ведь это получается не телега, а дирижабль, — пробормотал он. — Стоит только к такой телеге приделать мотор и пропеллер, и вот вам летательный аппарат совершенно новой системы!

У Сергея явилась мысль: как можно скорее послать свой проект «воздушной телеги» в Москву, чтобы предупредить Ефима. Но после некоторых колебаний, он все же решил, что нечестно так поступать с товарищем.

Он быстро оделся и побежал к Ефиму, проклиная по дороге лужи.

Ефим, бросившийся навстречу приятелю, имел крайне возбужденный вид.

— Сергей, я только что собирался бежать к тебе, — сказал он торопливо — Я усовершенствовал свое изобретение!..

— А я выдумал воздушную телегу с десятью колесами! — перебил его Сергей.

— Да это не ты, а я сейчас выдумал. И не с десятью, а с двадцатью колесами!..

— Врешь, ты только придумал пятое колесо! — возразил Сергей раздраженно.

— А теперь я уже 20 придумал! — кричал Ефим.

— А я 30, 40! — старался перекричать его Сергей.

Мать Ефима, слушая этот спор о числе колес, всплеснула руками.

— Да вы оба рехнулись, что ли? — почти прстонала она. — Зачем вы эту околесицу весь день плетете? Ах вы, лодыри окайнные, больше вам делать нечего!

Проспорив еще некоторое время, изобретатели пришли к полюбовному соглашению: продать изобретение и деньги разделить пополам.

— Чего зря ссориться, — убеждал приятеля Сергей. — Денег будет столько, что обоим хватит.

А Ефим говорил матери:

— Еот, подожди чуточку, кучу денег тебе отвалю. А пока дай мне двугривенный — надо чертежи сделать и в Москву послать...

## РОБИНЗОНЫ о-ва ТРИСТАН ДА КУНЬЯ

### I. Необитаемый остров.

В 4.600 километрах от устья Рио-де-Ла-Плата (на материке Южной Америки), в 3.300 километрах от Капштада (на югозападной оконечности Африки), среди Атлан-

тической части Атлантики почти непрерывно, поет и заливаются трелями. Кажется, что исполинский соловей сидит на вершине серой скалы и распевает свои песни, которые далеко-далеко разносятся над морем. Инансессибль — неприступная скала.



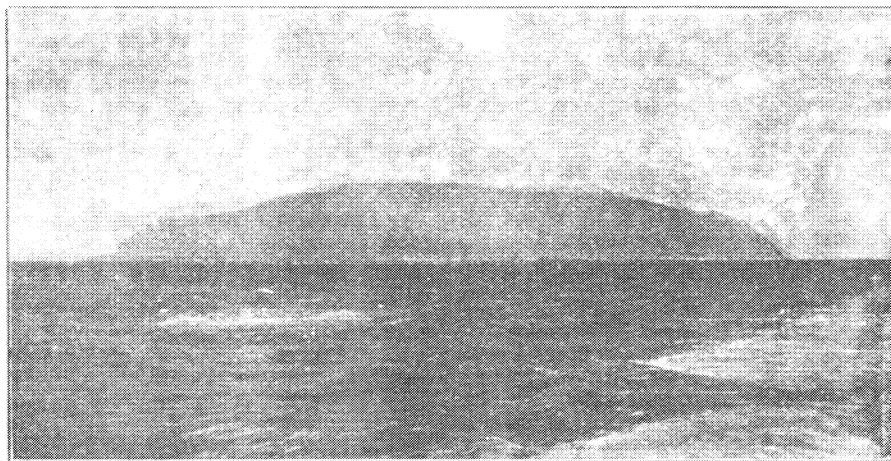
Вверху — ориентировочная карта. Внизу — план острова Тристан да Кунья.

тического океана лежит маленькая группа островов. Самый большой из них получил название «Тристан да Кунья», по имени открывшего его в 1506 г. португальского купца-мореплавателя. Впоследствии английские моряки дали имена двум голым скалам, поднимающимся над поверхностью моря юго-западнее главного острова. Южную назвали «Найтигль» — «Соловей», а лежащую от нее на северо-запад — «Инансессибль» — «Неприступная».

Названия вполне удачные. Скала Соловей в период ветров, а дуют они в

Ни одному отважному моряку не удалось высадиться на этот островок.

Главный остров, Тристан да Кунья, представляет собой почти круглой формы в 14 километров в диаметре (116 кв. километров). Происхождение его несомненно вулканическое, о чем свидетельствует кратер потухшего вулкана, возвышающийся в центре горы.



Остров Тристан да Кунья. В облаках виден кратер потухшего вулкана (1860 метров над уровнем моря).

Обрывистые берега острова, достигающие высоты в 300 метров, почти на всем протяжении недоступны для высадки с судов, и только северо-западная береговая полоса представляет собой равнину, полого спускающуюся к морю. Эта площадь в 10 километров длины и около 2 километров шириной покрыта цветущим лугом. Небольшие лужайки попадаются и в некоторых ущельях огромной горы острова.

Кроме нескольких десятков яблонь, разбросанных по равнине, да густого кустарника, опоясывающего подошву горы огромным зеленым поясом, на острове совершенно нет древесной растительности. Голые серые скалы придают ему мрачный, неприветливый вид.

В 2550 километрах на север от Тристана да Кунья находится знаменитый остров св. Елены, на котором находился в плену у англичан и умер Наполеон.

Уже в начале прошлого столетия моряки хорошо знали эти острова. Парусные суда их со страхом проходили мимо островов во время бурь и чудовищных туманов, которые в этой части Атлантического океана являются истинным бичом мореплавателей.

Только некоторые смелые капитаны американских китобойных судов, пользуясь благоприятной погодой, решались спускать шлюпки и высаживаться в Корвее бухте острова.

Коровьей они прозвали ее потому, что нашли на береговых лугах пасущихся диких коров и быков. Других животных, если не считать тюленей у его берегов, на острове Тристан да Кунья не было. Не было на нем и следов пребывания человека. Только полчища пингвинов бродили по серым прибрежным скалам острова, да стаи чаек носились над его унылыми берегами, оглашая воздух пронзительными криками. Откуда появились там одичалые быки и коровы — так и остается до сих пор неразгаданной загадкой.

## II. Первые робинзоны.

Но вот английское правительство привезло на остров св. Елены Наполеона. Необходимо было обеспечить все подступы к этой океанской темнице. Тристан да Кунья представлял собой удобную базу, с которой могла быть подана помощь пленнику его друзьями. Англичане решили предотвратить такую возможность, и 28 ноября 1816 года объявили Тристан да Кунья своей колонией. Они

высадили в Корвее бухте отряд из 5 офицеров и 37 солдат, возвели береговые батареи и оборудовали их морскими пушками. Крошечный гарнизон острова должен был следить за каждым появляющимся на виду острова иностранным судном и открывать по нем огонь, если оно покажется подозрительным.

Некоторые из английских офицеров прибыли на Тристан да Кунья с семьями, и для обслуживания их предусмотрительным начальством были доставлены негритянки. Вскоре на острове появились дома, площадки для спорта и неизбежная в таких случаях церковь.

После смерти Наполеона гарнизон был отозван, и на Тристан да Кунья остались только брошенные на произвол судьбы несколько негритянок с детьми. Несчастные должны были неминуемо погибнуть, если бы не одно обстоятельство, решившее их участь.

Один из артиллерийских солдат тристанского гарнизона не пожелал возвратиться в Англию. У него была жена и шестнадцать (!) человек детей. Он заявил начальству о своем решении остаться на острове. Вскоре к нему присоединились два беглых матроса, а затем прибыло еще несколько человек с потерпевшего крушение английского парусника. В 1825

году население Тристан да Кунья насчитывало уже 25 душ. О возвращении в Англию никто из тристанских робинзонов и не думал. Спокойная жизнь и полнейшая свобода, которую они теперь пользовались, приковывала их к острову.

Воспользовавшись прибытием китобойного судна, робинзоны послали одного из товарищей на остров св. Елены «за невестами». Полгода ждали на Тристан да Кунья возвращения его и, наконец, дождались. Он вернулся, привез с собой несколько негритянок. Поженились холостые робинзоны и зажили мирно с чернокожими женами.

## III. Тяжелые годы.

Теперь Тристан да Кунья не представлял уж собой ценности для англичан. Никаких богатств на острове не оказалось, а о нескольких чудачках, променявших шумную жизнь в капиталистических городах на необитаемый остров среди океана, правительство не беспокоилось.

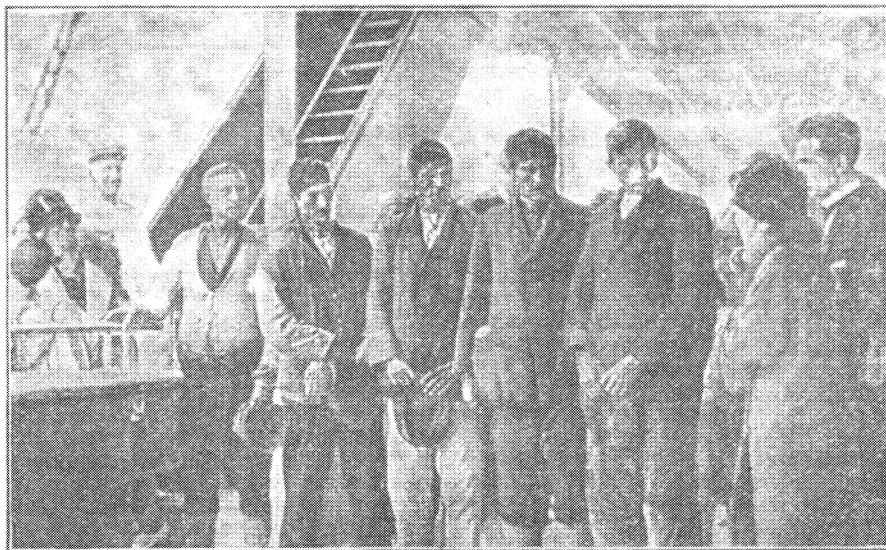
Настало тяжелое время для тристанских робинзонов.

Их жизнь состояла из непрерывной борьбы за существование. Дикie быки и коровы не поддавались приручению. Пытались охотиться за ними, но напуганные выстрелами животные удалились в такие дебри, где их не мог настичнуть самый смелый охотник. Таким образом тристанцы почти не имели возможности питаться мясом.

Рыбой они лакомились тоже изредка. Постоянные бури, крутизна берегов и злоеший прибой даже в тихую погоду делали рыбачество почти невозможным. В небольших же горных речках водилась лишь очень мелкая, непригодная для пищи рыба. Пингвины и другая водяная птица после появления на Тристан да Кунья людей стали переселяться на соседние морские неприступные скалы. Несмотря на это, они все же били достаточное количество птицы и собирали до 8.000 яиц в месяц.

Но самым большим недостатком, который испытывали обитатели острова, было полное отсутствие строительного леса.

Время шло, население Тристан да Кунья возрастало, и тристанцы начали переживать жилищный кризис. Пришлось строить дома из камня, но и тут без дерева не



Представители населения о. Тристан да Кунья (на борту пагетбота, с которым возвращаются домой из поездки на материк).

обойдешься. В этом случае на помощь робинзонам поспешило само море. Нет, нет, да выбросит оно во время бури на берег обломок мачты, а иногда и остов целого корабля.

Несмотря на такое незавидное существование, тристанцы не дичали. Напротив, первой их заботой было воспитание детей. Они учили их грамоте, устроили школу для подраставшего поколения и, в результате, на острове Тристан да Кунья, насчитывающем в настоящее время 135 душ населения, нет ни одного безграмотного.

#### IV. Тристанская коммуна.

В 1925 году атлантических робинзонов посетила американская путешественница Ани Роджерс и прожила с ними три года.

«Тристан да Кунья заброшен на край света, — пишет она в своей книге «Уединенный остров». — Здесь нет не только беспроволочного телеграфа, но и почтового сообщения. При самых благоприятных условиях, если удастся отправить письмо с случайно зашедшим в Коровью бухту пароходом, ответ на него можно получить не ранее 18 месяцев, а не то и двух лет».

Тристанцы произвели на Роджерс самое выгодное впечатление. «30 семей, — рассказывает она, — представляющие коммуны острова, связаны узами самой тесной дружбы. Здесь нет ни ссор, ни зависти, ни озлобления друг против друга, а о каких-либо преступлениях и говорить нечего — их нет и в помине. Полное отсутствие какой-либо власти сразу же резко бросается в глаза. Нет на Тристан да Кунья ни выборных представителей, ни судей, ни какого бы то ни было английского наместника.

Каждая семья подчиняется старшему в роде — и только. Существуют написанные законы, которые строго соблюдаются всеми.

Вся земля считается общей. Каждая семья обрабатывает ее в том количестве, сколько позволяют ей рабочие руки ее членов. В этом отношении на острове

имеются более крупные и более мелкие земледельцы. У крупных имеется пропорционально и больше скота. Но богачами они сделаться не могут, так как тристанская коммуна имеет общую кассу. Частная собственность ограничена лишь домом и живым инвентарем. Как только известный участок земли остается необработанным, он сейчас же передается в общественное пользование населения. Прибывающие жизненные припасы, товары и одежда распределяются пропорционально между семьями, и никогда не происходит никаких ссор и недоразумений».

Роджерс поразило здоровье тристанцев. Несмотря на сырой климат и тяжелые условия жизни, население острова почти не знакомо с болезнями и отличается долголетием жизни. Основатель колонии, например, умер 102 лет. С 1922 по 1925 г., из 135 умерло только 3 человека. Со времени существования населения на острове был лишь один случай рака. Зубному врачу, — говорит Роджерс, — здесь положительно нечего было бы делать.

Каждая семья островитян отправляет одного из своих сыновей для продолжения образования в Англию — и все они всегда с радостью возвращались на родину.

Неоднократно английское правительство предлагало тристанскому населению оставить неприветливый остров и переехать на континент. Им предлагали бесплатно земли в южно-африканских колониях и, кроме того, денежную помощь. Это обошлось бы дешевле английскому правительству, чем установление постоянного сообщения с островом, к чему оно, в конце концов, будет принуждено, если не захочет потерять его совсем.

Однако, тристанцы каждый раз категорически отклоняли эти предложения. Свою независимость от хваленых капиталистических «порядков» они не соглашались променять ни за что. Утраты же ее они не боялись. Имперализм им не страшен. Он не идет туда, где нечего взять. Появись на Тристан да Кунья нефть, золото или другие приманки для капитала — и судьба тристанской коммуны будет решена. Но там ничего этого нет...

## КАРТЫ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

Очерк профессора Б. Адлера

Когда мы берем в руки карту или атлас, в которых имеются сотни тысяч, а иногда и больше миллиона названий, где отмечены отдельные горы, реки и речки с наблюдением точных расстояний, мы редко задаемся вопросом о том, что предшествовало созданию этих совершенных и почти идеальных снимков с лица Земли... А между тем стоит заглянуть в даль веков и в гущу первобытных народов, которые дают нам понимание карты в самых примитивных формах.

Путь, которым шло развитие карты, был долгий и сложный. Всякая карта основана на знании местности, ею изображаемой. Знание места человек накапливает с первого момента своей сознательной жизни. Сначала он запоминает свое жилье и расположение в нем отдельных предметов, затем он знакомится с тем, что окружает его жилье, постепенно расширяя свой кругозор.

Если сравнить знание местности первобытного человека с знанием культурных народов, то округа, известная первому, будет иметь не больше нескольких сот километров в диаметре, в то время, как

культурному народу известны самые отдаленные уголки Земли. Зато как прекрасно знает первобытный человек свою небольшую территорию! Он знает ее не из книг, а сам исходил ее вдоль и поперек, как опытный следопыт. Он знает в ней каждый кустик, каждую скалу, брод, ручей, речку...

Что же помогает ему в этом знании?

Если для сравнения взять, например, птиц, совершающих громадные перелеты по строго определенному пути, или мелких грызунов на севере, переходящих громадные пространства, то мы привыкли говорить о животном инстинкте, который помогает животному ориентироваться в пространстве. В самом деле, поразительно, как мелкая птичка безошибочно летит к месту своего летнего или зимнего обитания — к теплому синему морю или в далекую, кишашую мошкаркой тундру! Эти безошибочные странствия, свидетельствующие о поразительной памяти животных. У них для этого в распоряжении поразительная острота органов, помогающих им ориентироваться в пространстве.

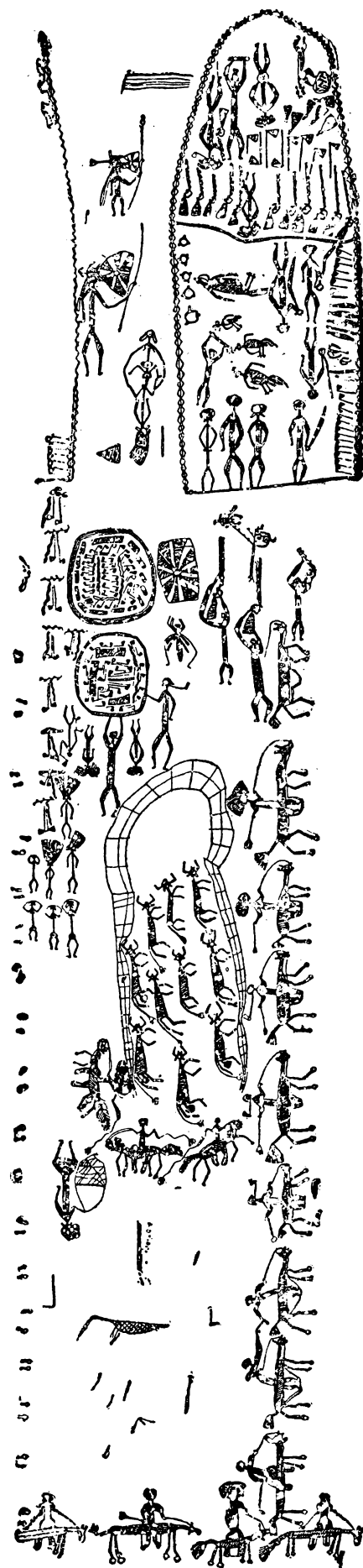


Рис. 1.

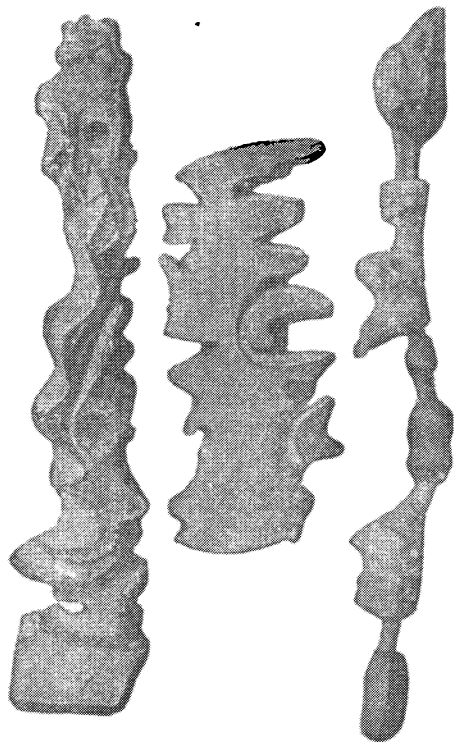


Рис. 3. Рельефная карта эскимосов.

Недаром говорим мы о соколином, орлином глазе, о тонком слухе лошади, о нежном обонянии собаки, идущей безошибочно по следу...

Человек в значительной мере утратил эти ценные свойства животного. Его глаза видят не так остро, его ухо, правда, различает стройные звуки симфонии, но в шелесте леса, в шуме ветра и морского прибоя он уже не разбирается, его обоняние наслаждается ароматом цветов и искусственно им созданных духов, но не чувствует издали запаха меда, сложного трудолюбивыми пчелами в каком-нибудь дупле, — одним словом, все органы, которые помогают животному в его ориентировке, у человека или атрофировались вовсе, или притупились.

Эта потеря особенно бросается в глаза, если мы сравним первобытного человека с культурным жителем города. Книжки с мелким шрифтом, городская копоть, отсутствие перед глазами далекого горизонта создают среди горожан кадры близоруких, вооруженных очками, подслеповатых людей... Оторванность от природы притупляет его слух и обоняние.

#### К РИС. 1.

Изображение охоты и атаки (план и профиль) на обернутой трюпкой бамбуковой палке, которая служит у туземцев Н. Каледонии так наз. «посолюским жезлом». На рисунке изображена засада, из которой туземцы, вооруженные джужками, производят атаку. Все это передано в плане, но план не выдержан, так как часть предметов изображена и в продольном разрезе. После нее объясняется неумением и желанием создать перспективу: китайцы, например, называют наши тени на картинах «грязными пятнами».

#### К РИС. 3.

Карта нарисована карандашом на бумаге индейцем из племени Кобеа (Ю. Америка). Она изображает р. Капар-Уопе, у впадения ее в р. Гудзури. Четыре хижины, типичной индейской архитектуры, в продольном разрезе через фасад, изображают четыре деревни, или, вернее, четыре обществанных дома: опасные пороги на реке обозначены группой кружков, изображающих камни. По берегам густят пальмы и банановые деревья с плодами и корнями, обращенными в сторону рек; в дверях дома заметны человеческие фигуры. Картина дополняет несколько кур.

Насколько же лучше слышит, видит, обоняет и осязает в то же время человек, тесно связанный с природой! Мы все читали, как хорошо и далеко видит житель тундры. За несколько верст он различает не только фигуру оленя на серой поверхности тундры, но безошибочно может определить цвет животного. Австралиец, втянув воздух в раздувающиеся ноздри, издали определяет, где спрятан пчелами ароматный мед. Стоит кочевнику приложить ухо к земле, и он точно может определить число всадников, мчащихся за несколько верст.

Эта острота его органов — прекрасное орудие в борьбе первобытного человека за свое существование. Постоянное общение с природой требует от него поразительной наблюдательности.

И действительно, он по наклону деревьев, по расположению мха на скалах, по ветру, звездам, тропам животных направляет свой путь безошибочно, в то время как культурный путешественник без компаса и карты стоит беспомощно, не зная, куда идти.

Эти большие знания, основанные на опыте и наблюдательности, гибнут, обыкновенно, со смертью данного человека. Правда, он сообщает своим близким и потомкам то, что он знает, но чаще всего эти знания с ним погибают, потому что ему неизвестна письменность. Однако, и у него есть приемы, которыми он пытается запечатлеть свои знания местности. Этими приемами являются его географические карты. Индейцы С. Америки делают особые наброски ножом на кусках бересты и по ним справляются о своем маршруте. Есть и у других народов карты для собственного потребления.

Так, островитяне Маршалских островов сооружают особые карты, которые состоят из тонких расщепленных палочек бамбука, связанных в особые рисунки. В местах перекрещивания палочек прикреплены или ракушки или камешки. Такая плетеная карта изображает архипелаг, к которому кормчий направляет утлую лодку. Он кладет ее на носу лодки и зорко следит, чтобы угол между картой и концентрическим течением, господствующим в тех водах, был постоянный. Соблюдая этот угол, он безошибочно приплывает к месту назначения. Секрет этих карт передается из рода в род и тщательно хранится вождем племени. У туземцев Маршалских островов имеются карты всего архипелага (подобие наших генеральных карт) или частей архипелага, или, наконец, учебные карты.

Другие народы для своих надобностей карт не изготовляют. Но стоит их спросить, как делали некоторые путешественники во время перехода по неисследованной местности, и туземцы, не умея ни рисовать, ни чертить, не задумываясь, делали удивительно точные наброски.

В истории путешествий в неведомые страны часто встречаются рассказы, в которых повествуется о том, как путешественник получал от туземцев точнейшие указания пути, при чем туземцы брали палку и на песке или снегу изображали нужную местность. В нашем распоряжении было большое количество подобных картографических набросков, сделанных разными народами по просьбе путешественников. При этом оказывается, что не все народы в одинаковой мере способны давать такие наброски. Лучше и точнее всего изображают местность северные народы Азии и Америки. Чукчи, самоеды, остяки, якуты, юкагиры СССР, эскимосы Гренландии, Аляски и пр. безошибочно

рисуют подобные карты на бумаге, бересте, на песке, снегу и пр. Правда, точного расстояния между отдельными точками они не соблюдают, однако их словесные указания всегда точны. Расстояния они определяют продолжительностью дневного перехода.

Для иллюстрации сказанного мы приведем замечательную карту, сделанную эскимосами Гренландии из кусочков принесенного морем, трухлявого дерева. Каменным ножом эскимос вырезал все заливы, нанес рельеф и дал сложную картину своего изрезанного берега.

Интересно, что жители южных областей Африки, Австралии и Южной Америки гораздо меньше способны к картографии. Если сравнить, например, карту негров Африки или индейцев Ю. Америки, (рис. 3) то она производит впечатление детской неумелости, робости, в то время, как карта жителей Севера имеет широкий размах и почти совершенна.

Объясняется это, конечно, не неумением рисовать или чертить (обе группы одинаково плохие рисовальщики), но свойствами природы, в которой им приходится жить. На севере гораздо меньше опорных ориентировочных точек, поэтому лишь постоянная наблюдательность помогает человеку выйти на верный путь. На юге природа богаче, и человеку легче ориентироваться. Поэтому ему и не нужно так точно помнить местность.

Эти картографические способности первобытного человека помогли не одной экспедиции, удачно разрешившей свои исследования.

Если мы сравним карты «дикарей» с картами культурных народов древности:

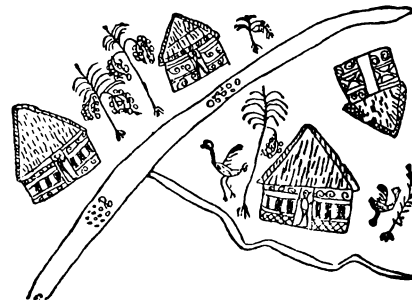


Рис. 8.

ассирийцев, египтян, древних греков, римлян, с древне-русскими картами и другими, даже с картами китайцев, которые были знакомы давно с компасом, то они поражают нас своим совершенством.

В них мы можем видеть начатки, зародыш наших карт. Правда, мы не можем проследить пути, по которым из этих примитивных набросков развивались наши точные карты, пестрящие тысячами названий и бесчисленными географическими обозначениями, но, несомненно, наши предки чертили свои карты не иначе, чем туземцы Севера: условия их быта, повидимому, немногим отличались от условий, в которых живут туземцы северных окраин...

#### ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Присылаемые подписчиками в письмах, вместо денег, почтовые марки должны вкладываться в конверт, но ни в коем случае не наклеиваться на бумагу.

Наклеенные марки использованы быть не могут, а потому засчитываться Изд-вом не будут.



## ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА СЭРА ХЭТЧИНСОНА

(К рисунку на обложке)

На о. Борнео (Азия, Большие Зондские о-ва), в небольшом поселке Макассаре появился иностранец. Это было так удивительно, что комиссар провинции устроил в честь этого иностранца—англичанина Хэтчинсона—большой праздник.

На празднике комиссар узнал, что Хэтчинсон неспроста приехал в Макаassar. Он надеялся найти здесь в горах алмазы и зашибить на этом деле немалую монету. Для начала работ ему, конечно, необходимо было разрешение комиссара, а комиссару нужны были деньги,—и догадливого представителя Нидерландского королевства предложил англичанину себя в компаньоны. Англичанин согласился.

Разработав план действия, они, не задерживаясь, приступили к его выполнению. Каждый день утром комиссар и англичанин уходили из поселка, сопровождаемые удивленными взглядами жителей, и, вооруженные геологическими молотками, целыми днями бродили по окрестным горам. В продолжение нескольких недель был обследован значительный участок местности. Надежды Хэтчинсона оправдались: в густом лесу, на берегу небольшого ручья, им удалось отыскать алмазные россыпи. Комиссар согнал из окрестных деревень сотню туземцев-даяков и велел им обнести прииски забором и построить на них несколько барачков.

Хэтчинсон хотел поставить дело широко и как можно скорей добыть побольше алмазного песка. Он знал, что, если губернатор узнает о существовании незарегистрированного прииска, им не поздоровится. Но туземцы потребовали за работу такую плату, что на нее должна была бы уйти вся прибыль. Комиссар хотел было при помощи винтовок заставить даяков работать, но до поры до времени англичанин вовсе не желал восстанавливать против себя местных жителей. Наоборот, подумав несколько дней, он согласился на условия даяков.

Недоумевавшему комиссару он сказал только:

— Молчите! Вы не понимаете простой арифметики.

Через несколько дней оказалось, что россыпи еще более богаты, чем это предполагали оба компаньона. Опять, сославшись на «простую арифметику», Хэтчинсон удвоил жалованье. Правда, он сказал, что заплатит его через два месяца, но зато не только за проработанное время, но и за месяц вперед. А за три месяца это будут такие деньги—ого! И даяки, чтобы приблизить вожделенный день первой получки, все быстрее и быстрее махали тяжелыми кирками...

День расплаты близился. Комиссар начал волноваться. Он знал, что туземцы не считают ценностью алмазный песок, и советовал Хэтчинсону обменять его скорее на доллары. Но еще больше он беспокоился о том, что, по его расчетам, добытого песка никак нехватит на жалованье при тех ставках, которые установил Хэтчинсон.

Однако, «простая арифметика» Хэтчинсона продолжала фигурировать.

Лишь за несколько дней до назначенной выплаты англичанин поделился своими планами с комиссаром. «Простая арифметика» сводилась всего навсего к тому, что англичанин собирался ударить из Макассара на лодке в последнюю ночь, захватив с собой весь добытый песок.

Услышав это, комиссар сперва перепугался, но потом размяк, при созерцании тех картин будущей богатой жизни, которые искусно нарисовал ему Хэтчинсон, и согласился.

В канун рокового дня было особенно шумно на россыпях. Рабочие весело перекликались друг с другом и говорили, что завтра работать не будет и что в Макассаре будет такой праздник, какого еще не было никогда на Борнео.

Вечером, при свете огарка, компаньоны взвешивали свое богатство. Результаты взвешивания были более чем удовлетворительны. Но англичанин, пересыпая драгоценный песок сквозь пальцы, задумчиво проговорил:

— Эх, еще бы денек!.. Ведь наша дневная выработка—пять тысяч...

И так же задумчиво комиссар поддерживал его:

— Мда... ничего бы...

Этих слов комиссару не следовало говорить. Англичанин вдруг вскопчил с заблестевшими глазами, с лицом сумасшедшего и таким тоном, от которого комиссару стало страшно, потому что в нем было слишком много твердости, сказал:

— Я останусь еще на один день!

Напрасно комиссар уверял англичанина, что это опасно, что может вспыхнуть бунт, если жалованье завтра не будет заплачено,—англичанин был глух. Жадность пересилила в нем благоразумие.

События следующего дня показали, насколько прав был комиссар.

Когда Хэтчинсон пришел утром на место работ, он увидел перед конторкой длинную очередь даяков, нарядившихся в самые лучшие свои одежды. Хэтчинсон вошел в контору. Он долго не решался оттуда выйти и все делал вид, что разбирает какие-то бумаги.

Когда он появился на крыльце, шум смолк, и все уставились в полудневное лицо хозяина.

— Друзья,—заговорил Хэтчинсон,—я не успел сосчитать для вас все деньги. Жалованье вы получите завтра. А сегодня становитесь на работу, как обычно...

На секунду воцарилось жуткое молчание. Но уже в следующее мгновение началось нечто невообразимое. Толпа даяков, улюлюкая, бросилась к крыльцу. Хэтчинссна чуть не сшибли с ног.

— Если вы меня убьете, вы ничего не получите!—кричал он.

Но эти слова только подлили масла в огонь.

— А! Он издевается над нами!—шумела толпа.—Он нажился на нашей работе, а теперь не хочет платить! Смерть мошеннику! Бейте его! А-а!!

Англичанин выхватил револьвер и, расчищая им себе путь, перепрыгнул через

перилу, потом через забор, вскопчил на лошадь и стремглав понесся в Макаassar.

Предусмотрительный комиссар приготовил заранее челнок с гребцами. Компаньоны задворками спустились к реке, прыгнули в лодку и велели гребцам как можно скорее грести к середине реки и потом в море, по которому комиссар надеялся добраться до ближайшего европейского селения.

По берегу бегали люди. В лодку летели камни, раздалось даже несколько ружейных выстрелов. От берега отделилась группа лодок с туземцами, но они скоро отстали и вернулись обратно. Это изумило англичанина, но, когда лодка зашла за поворот реки и стало видно море, удивление Хэтчинсона рассеялось. Впереди, совсем недалеко, высился барьер клокоущей пены и громадных волн.

Макаassarское побережье славится сильнейшими приборами. Особенной силы они достигают в устьях рек, где морские волны, встречая речное течение, сталкиваются с ним. В тот момент, когда Хэтчинсон и комиссар приближались к устью, был наивысший момент прилива, и волны прибора вздымались страшными громадами, способными внушить ужас даже самому испытанному гребцу. Они теряли здесь всякую правильность, это был кипящий и клокоущий котел, перебраться через который было совершенно невозможно. Но по берегам бегали даяки, и поэтому Хэтчинсон приказал гребцам не ослаблять темпа гребли.

Когда первые валы стали обкатывать сидевших в лодке ливнем брызг и лодка завертелась испуганным волчком, гребцы побросали весла и в ужасе упали на дно. Подхватив рулевое весло, комиссар пытался удержать лодку, но откуда-то сбоку вдруг выросла исчерченная зелеными неровностями гигантская волна и всей тяжестью обрушилась на челнок. Он стал тонуть. Хэтчинсон, комиссар и трое гребцов забарахтались в воде...

Через секунду челнок снова появился на поверхности. Все ухватились за него. Но в одно мгновение он был опять перевернут, и потом волны уже беспрестанно бросали и перекачивали его с боку на бок, вырывая из рук тонущих людей. А они кружились вокруг челнока, видя в нем свое последнее спасение, цеплялись за скользящий борт, взлезали на перевернутое дно. Челнок выскальзывал из рук, перекувыркивался—и люди опять падали в воду. Эта битва за жизнь была прекрасна новой набежавшей водяной громадой, которая окончательно потопила лодку...

Гребцы, зная, что спастись отсюда нельзя, прекратили борьбу—и вода поглотила их мгновенно. Хэтчинсон же и комиссар еще около часу боролись с волнами и водоворотами.

Трупы обоих европейцев были найдены на следующее утро, во время отлива, на отмели, недалеко от берега, запутавшись в густом иле...

В. Белоусов.

## В недрах столетий

Ответ на рассказ-загадку И. Окстопа, помещенный в № 11 „Вокруг Света“

1) Обратный путь из 1234 г. (год четвертого крестового похода) в 1917 г. (год Октябрьской революции) темпомобиль («автомобиль времени») совершил бы, по условию задачи, в 23 ч. 46 м., то-есть эти 713 лет прошел бы во времени со скоростью 30 лет в час.

2) По условию задачи, темпомобиль шел по течению времени (из прошлого в будущее) в 1½ раза быстрее, чем из будущего в прошедшее. Значит, при движении из будущего в прошедшее он делал 20 лет в 1 час.

3) От года выезда до 1204 г. он прошел 71 ч.

18 мин. (условие задачи). Значит, он проехал всего 1426 лет, а год его выезда, по нашему летоисчислению, был 2630-й.

4) Проспав свою станцию, путешественники во времени (проехали в 68 ч. 10 м.—2345 лет) очутились в 3249 году ( $1204 + 2045 = 3249$ ).

5) Этот год они назвали 1333 по той простой причине, что летоисчисление в эпохе будущего велось с Октябрьской революцией.

6) Обрато из 3249 г. (т.-е. 1333 г.) в 2630 г. (т.-е. 714 г.) темпомобиль прошел (20 лет в час) в 30 ч. 57 мин.

## ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

## В ПАРУСНОЙ ЛОДКЕ ВОКРУГ СВЕТА.

Американский капитан Томас Дрэк решил предпринять кругосветное плавание в маленькой парусной лодке водоизмещением всего 8 тонн, снабженной вспомогательным мотором. На этой лодке он проплыл вокруг значительной части берегов Северной и Южной Америки, пересек в течение 51 суток Атлантический океан и достиг Англии. Ближайшей его целью теперь является Норвегия, откуда он намерен вдоль берегов Германии, Франции и Испании проплыть в Средиземное море. Дальнейший его маршрут: Суэцкий канал, Индия и Восточная Азия. В заключение Дрэк намерен пересечь Тихий океан.

Путешествует он один, за что получил прозвище «одиноким пират».

## СТАТУЯ БУДДЫ В РОЛИ МАЯКА.

В гавани японского города Уэно, близ Нагойи, местные власти решили приспособить в виде маяка огромную статую Будды высотой 24 м и шириной у подножия в 17 м. Укрепленный на голове статуи прожектор посылает теперь по вечерам предупредительные сигналы морякам.

## ЗАДАЧИ И ЗАГАДКИ

## РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ:

## В № 8.

## Голубь-путешественник:

Решается эта задача построением прямоугольного треугольника, величина двух сторон которого (катеты) известна (один катет = 1; другой = 0,75), а величина третьей (гипотенузы) неизвестна.

По теореме мы находим величину гипотенузы =  $\sqrt{1^2 + 0,75^2} = 1,25$ . Следовательно, последний полет голубя на место был равен  $1\frac{1}{4}$  час.

А всего в путешествии голубь пробыл:  
1 ч. + 0,5 ч. +  
+ 0,75 ч. +  
+ 1,5 ч. +  
+ 1,25 ч. = 5 ч.

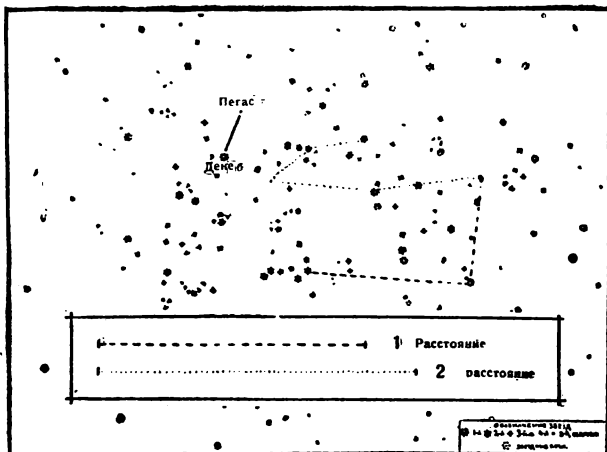


## Астрономическая задача:

Решая задачу, молодой астроном сказал своему товарищу: «Дорогой друг, ты мне даешь неопределенную задачу, так как не указываешь, какую звезду созвездия Персея ты подразумеваешь. Я беру звезду  $\beta$ , как центральную, тогда получается, что ты эдзумал звезду Денеб<sup>4</sup>. На чертеже пунктиром помечено 1-е расстояние: между звездами  $\beta$  и Беллатрикс, а точками—2-е расстояние: между звездами Беллатрикс и Персея  $\beta$ . Найдя разницу между этими двумя величинами, молодой астроном определил задуманную звезду Денеб».

## Правильные решения задач прислали:

Боборицкая Милочка, Вайсберг С., Волковский И., Гельфанд М., Гершенгорн А., Гольдфайн Ф., Гумаров Р., Ерохина Н., Журавлев Б., Каплан И., Каттербах Р. и Ю. Кожухова О.,



Красильников П., Леонидов П. В., Лисенко К., Мазель К., Рогожин А., Ст... А. (неразборчиво), Хохольков В. и несколько читателей, не указавших своей фамилии.

## В № 10.

## Задачи шутки:

- 1) Если спички положить в длину, то потребуется их 3 триллиона, если же в ширину, то 75 триллионов.
- 2) а) 254 миллиона—в длину, или 6 миллиардов 350 миллионов—в ширину.  
в) 400 миллионов—в длину, или 10 миллиардов—в ширину.
- 3)  $7\frac{1}{2}$  миллиардов—в длину;  $187\frac{1}{2}$  миллиардов—в ширину.
- 4) 9 триллионов 200 миллиардов спичек.

## Задача букв.

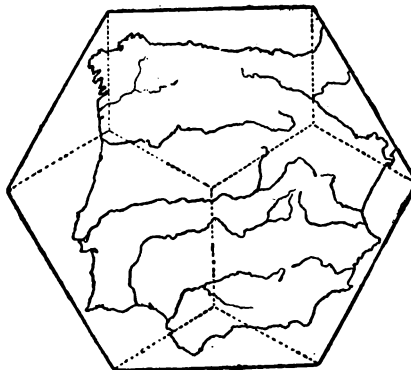
На рисунке помещены следующие предметы: рама, свекла, рыба, бант, медведь, зонт, бочка, яблоко, мышь, слон, ножницы, цветок, перо, носорог, крап, желудь, кот, ель, урна, сани, сумка, карандаш, нож, бабочка, колесо, птица, груша. Из отмеченных букв составляется обращение: А Вы не забыли вернуть нам анкету?

## В № 11.

## Задача букв:

21	52	23	43	2	25	28	4
53	20	22	42	24	3	29	5
51	50	54	1	44	45	26	7
19	39	48	55	41	59	58	6
18	38	49	40	46	56	31	9
16	35	47	14	57	12	33	32
17	37	15	35	34	13	10	11

Да здравствует Советская власть и завоевания Октябрьской революции!



## Геометрия с географией:

Разрезав на две части каждый из малых шестиугольников и сложив из них один большой, получаем в нем очертание Пиренейского полуострова.

## Загадочный круг:



## Шифрованное письмо:

Полопам делится число 26. Вычитая 13 из данных чисел, получаем новый ряд цифр: 16, 17, 9, 3, 6, 19, 2, 15, 17, 23, 1, 13, 17, 6, 3, 15, 12, 30, 23, 9, 9. Заменяя цифры соответствующими им местами буквами алфавита, получаем лозунг «Привет борцам революции».

## РЕБУС № 8:

В десятую годовщину Октябрьской победы подведем итоги строительства социализма.

Правильные решения задач по 25 ноября прислали:

Аветисов В., Алтуфьев М. К., Ахипкин А., Бзляев К., Боборицкая Милочка, Боровцева К. С., Казанская Т., Карачевцев А., Кормазян Р., Краснобаева Н., Крутицкий А., Кулаченко А., Куров Б., Курчин М., Макавеев Ю., Маслеников Б., Мелконая И., Мурзин М., Муфтелева А., Потапов В., Рогожин Д., Розенштейн В. Д., Сидорова Л., Столенский Д.

## ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА.

Леонидов П. В. Вы неправильно решили задачу «Шифрованное письмо».

Милочке Боборицкой (Москва) и А. Спир... (неразборчиво) (Тверь). Редакция просит сообщить ваш адрес для ответа письмом по почте.

Прушинскому Я. и Царякову Д. (г. Новомиргород). Как сообщил нам один из наших читателей, тов. Сидоренко Н., ваша задача «Голубь-путешественник» является списанной из книги Я. И. Перельмана «Веселые задачи», изд. «Начатки Знаний» за 1919 год. Вы только изменили название ее и сделали перестановку некоторых фраз. Вам должно быть хорошо известно, что в журнал можно посылать для печати только оригинальный материал, т. е. еще нигде не печатавшийся. Конечно, если Редакция самой уладет установить неоригинальность задачи, она ее не помещает. Но когда в задаче меняется название, несколько изменяется постановка условия, то она случайно может быть помещена, как оригинальная, что и было с вашей задачей. Такое отношение к делу Редакция считает недопустимым, и впредь ваши задачи помещаться не будут, хотя бы они и были оригинальными.

Тов. Сидоренко Н. выражаем свою благодарность за сообщение.

АК., Невзет Г., Сидоровой В. Присланное не подошло.

Ахипкину А., Малашкевичу В., Пласину, Рогожину Д., Тазенкову Г. Спасибо за присланное. Кое-что используем.

Грамолину В., Долматовскому Ю., Махлаюк Б. П., Полиевктову Н., Путилову Е., Скачкову В., Старостину А., Г. М. Ч. Присланное не подошло.

Алексееву В., Ерохиной Ф., Константиновскому Я., Подковаеву И. Я., Пчелко В. Г., Старостичу Б. О. Для нашего журнала задачи не подходят. Постараемся переложить их в другие издания.

Тазенкову Г. А., Уминову Е. Спасибо за присланное. При случае кое-чем воспользуемся.

Яковлеву В. И. За присланные задачи будем очень благодарны. Задачи присылайте вместе с решениями. Ждем письма.

В этот номер «Вокруг Света» вложен бланк почтового перевода для пересылки подписной платы на 1928 год.